

Северомонгольские князья и цинские налоги (XVIII — первая половина XIX в.)

А. В. Попов

Санкт-Петербургский государственный университет,
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9

Для цитирования: Попов А. В. Северомонгольские князья и цинские налоги (XVIII — первая половина XIX в.) // Вестник Санкт-Петербургского университета. Востоковедение и африканистика. 2018. Т. 10. Вып. 4. С. 436–466. <https://doi.org/10.21638/spbu13.2018.403>

Законодательство Империи Цин, предназначенное для управления Монголией, содержало ряд норм налогового права. В числе последних важное место занимали правила, которыми князья-правители хошунов и подчиненные им чиновники обязаны были руководствоваться при обложении подведомственного населения податями и повинностями. С помощью этих правил имперские власти стремились определить, какая доля из общего объема фискальных поступлений, собираемых с обывателей монгольских кочевий, могла быть использована туземными аристократами и чиновниками в качестве вознаграждения за исполнение ими обязанностей казенной службы, а какая не могла, поскольку представляла собой государственное достояние. Цель статьи состоит в том, чтобы исследовать содержание упомянутых норм цинского законодательства и проследить за их практическим применением в Северной Монголии в XVIII — первой половине XIX в. Автор установил, что в монгольских и китайских источниках содержатся многочисленные сведения о постоянной склонности северомонгольских князей и чиновников к небрежению нормами имперского налогового законодательства. Зачастую хошунные власти в пределах контролируемых ими территорий самостоятельно и к собственной выгоде изменяли порядок взимания податей и повинностей, установленный цинскими правительственными инстанциями. Поводом к широкому распространению подобных явлений стала трансформация социальной и правовой систем, произошедшая в Монголии в XVIII — первой половине XIX в. под цинским влиянием. Маловероятно при этом, чтобы верховные власти Империи Цин располагали объективными сведениями об истинных масштабах фискального произвола представителей владетельной кочевой аристократии и обладали действенными возможностями к пресечению совершавшихся ими массовых нарушений налогового законодательства.

Ключевые слова: Империя Цин, Северная Монголия, законодательство, правила обложения налогами и повинностями, правители хошунов и чиновники, нарушения фискальных норм.

В 1781 г. цинский император Цяньлун обратился к монгольским князьям, «в четырех халхаских *аймаках*¹ состоящим», с указом, который в числе прочих пред-

¹ *Аймак* (монг. айтау; кит. 盟) — единица административного деления территории Монголии. В цинский период в пределах Северной (Халха) Монголии были образованы четыре аймака. Три из них — Тушетуханский, Дзасактуханский и Сэцэнханский — являлись элементами государственно-политической системы в Северной Монголии еще до ее вхождения в состав Империи Цин. Они сохранились в административной структуре и после 1691 г., когда халхаские князья признали под собой верховную власть цинского императора Канси. Что касается четвертого Сайннйонханского

писаний и наставлений содержал и такое: «Надлежит ханам, *ванам*² и *хошунным правителям*³ прекратить понапрасну изнурять подданных своих чрезмерными поборами» ([4, л. 14а]; описание источника см.: [5, с. 173, 174]). Восемью годами ранее тот же император, но уже в другом указе грозил тем же представителям монгольской знати: «Буде размер податей и повинностей, кои по закону взимать следует, окажется превышен введенными вами дополнительными статьями обложения до такой степени, что ваши подданные, страдая от чрезмерных поборов, принесут на вас жалобы, то я в таком случае предам виновных хошунных правителей суду и наказанию» ([6, л. 31а-б]; описание источника см.: [5, с. 156–160]). Факт подобного «высочайшего внимания» к проблеме «лихоимства» монгольских князей в отношениях с подчиненным им населением является показателем широкого распространения таких явлений во второй половине XVIII в. и свидетельствует о явной озабоченности высших имперских властей этой проблемой.

Впрочем, корыстные преступления, которые с точки зрения норм цинского права совершали облеченные властью представители кочевой аристократии, составляли одну из характерных черт халхаской общественной действительности не только в XVIII в., но и в течение всего периода пребывания Северной Монголии в составе Империи Цин. Сообщения о хошунных правителях и прочих должностных лицах туземной администрации, которые «брали не по чину», довольно часто встречаются в документах центральных правительственных инстанций и в слу-

аймака, то он ведет свою историю с 1725 г. В этом году указом императора Юнчжэна халхаскому князю Дашдондову был пожалован титул его прадеда «сайн-нойон», равный по статусу ханскому. В «Черновой истории династии Цин» сказано, что Дашдондов «имел заслуги в военных походах, по сему ему было вверено управление новосозданным аймаком» [1, цз. 86, л. 36]. По традиции наследственными правителями аймаков являлись северомонгольские ханы, но в 1727 г. имперские власти отменили этот порядок. Отныне административная и судебная власть в каждом аймаке была передана собраниям (сеймам) входивших в него владетельных князей. Из их числа по представлению имперских властей выбирался старшина сейма (см. примеч. 17). При этом была изменена и официальная терминология — понятие «аймак» было преобразовано в «сейм» (монг. *ᠰᠡᠶᠢᠮᠠ*; кит. 盟). Соответственно и название каждого из сеймов перестало быть созвучным титулу прежде управлявшего им хана и стало соответствовать тому месту, где проходили собрания князей. Так Сэцэнханский аймак стал сеймом Хэрлэнбарс-хото, Тушетуханский аймак — сеймом Хан-ула, Сайннойонханский аймак — сеймом Цэцэрлэг и Цзасактуханский аймак — сеймом Бидэрие-нур [2, с. 49]. Впрочем, традиционные «ханские» названия аймаков в результате этих переименований не исчезли и продолжали использоваться как в повседневной лексике, так и в официальном документообороте.

² *Ваны* (монг. *wang*; кит. 王) — монгольские князья, обладавшие пожалованными цинским императором высшими аристократическими титулами 1-го и 2-го рангов.

³ *Хошунный правитель*, или *дзасак* (монг. *ᠵᠠᠰᠠᠭ*; кит. 旗长), в Северной Монголии цинского периода — обладатель аристократического княжеского титула, наследственный удельный правитель. *Хошун* во главе с *дзасаком* представлял собой единицу административно-территориального деления, которая по месту в системе органов государственной власти находилась на ступень ниже, чем *аймак* (см. примеч. 1). До того как Халха вошла в состав Империи Цин, ее кочевья традиционно были разделены между семью хошунами. После того как цинские власти установили контроль над Северной Монголией, традиции ушли в прошлое и прежние халхаские уделы были раздроблены на множество мелких частей. С 1691 по 1725 г. число хошунов в Северной Монголии возросло до 75, а еще через тридцать лет достигло 84. Из их общего числа 23 составили Сэцэнханский аймак, 20 были включены в Тушетуханский аймак, а 24 и 19 соответственно в Сайннойонханский и Дзасактуханский аймаки [3, р. 104, 105]. Смысл этих реформ состоял в том, чтобы отвратить халхаских князей от стремлений к политической консолидации и не допустить возникновения неконтролируемых из Пекина процессов административного или военного объединения разрозненных монгольских уделов.

жебной переписке различных государственных учреждений, существовавших в то время в четырех халхаских аймаках. Сведения именно такого рода, относящиеся к XVIII — первой половине XIX в., станут объектом анализа в настоящей статье.

И. С. Тургенев устами чиновника казенной палаты — персонажа романа «Отцы и дети» явил миру знаменательную фразу: «Каждая пчелочка с каждого цветочка берет взяточку» [7, с. 45]. На первый взгляд заинтересовавшее нас историческое явление может показаться давно ушедшей в прошлое монгольской вариацией подобного жизненного кредо отдельных представителей бюрократического сословия. Причем любому, кто хотя бы поверхностно знаком с монгольской историей (как, впрочем, и с историей вообще), вряд ли придет в голову мысль о том, чтобы усомниться в обоснованности подобных предположений. Среди представителей халхаской общественной верхушки, состоявших на государственной службе в XVIII — первой половине XIX в., наверняка встречались те, кто в стремлении к личному обогащению использовал властные полномочия, брал взятки и не обращал внимания на законы. Но было ли небрежение правилами государственной службы, в силу личных качеств свойственное отдельным бюрократам-стяжателям, единственной и, более того, главной причиной нарушений норм цинского фискального и имущественного права князьями и чиновниками из администрации северомонгольских аймаков и хошунов? С нашей точки зрения, сколько-нибудь обоснованный ответ на этот вопрос возможен при соблюдении как минимум двух условий.

Во-первых, необходимо по возможности точно установить, в чем состояло содержание цинских правовых норм, квалифицировавших те или иные проступки монгольских князей и чиновников в качестве преступлений, совершенных из корыстных побуждений. Другими словами, необходимо определить, на какое вознаграждение могли по закону рассчитывать знатные монголы, отдававшие силы казенной службе, какая доля из материальных средств и ресурсов, находившихся под их контролем и в их распоряжении, могла быть использована ими в качестве такого вознаграждения, а какая, наоборот, не могла, так как считалась государственным достоянием. Во-вторых, следует определить, насколько цинские правовые нормы о «лихоимстве» халхаских князей и чиновников соответствовали традиционному правосознанию и принципам социальной жизни монголов, в частности устоявшимся в их общественной среде представлениям о статусе и властных полномочиях кочевых предводителей.

Нельзя не упомянуть о том, что изучение отмеченных нами обстоятельств монгольской истории пока еще остается делом будущего. Вряд ли можно назвать историческую работу, автор которой уделит бы им сколько-нибудь пристальное внимание. Вместе с тем коррупция монгольских князей и чиновников во всех ее ипостасях — и в формулировках цинских законов, и в повседневной жизни аймаков и хошунов — была весьма сложным и многогранным явлением. Без понимания его сущности невозможно воссоздать полную картину социальной жизни монгольского общества в XVIII — первой половине XIX в. К тому же результаты, которых смогли достичь имперские власти в стремлении отвратить представителей кочевой аристократии от служебных злоупотреблений, вполне могут иллюстрировать степень эффективности цинского законодательного регулирования монгольской общественной действительности.

В числе сфер этой действительности, к устройению которых на необходимый ему лад имперский законодатель проявлял особый интерес, оказались имущественные (как, впрочем, административные и судебные) отношения владетельных князей и чинов аймачных и хошунных канцелярий с подчиненным им населением. Отметим, что в исследовательской литературе нередко можно встретить суждения о том, что в интересующий нас период монгольские общественные верхи не были особенно стеснены или ограничены в правах управления подвластными им уделами [3, p. 119; 8, p. 300; 9, с. 28]. Вместе с тем даже беглый анализ догм и терминов цинского законодательства в применении к юридическому статусу хошунного правителя вызывает ассоциации не с феодальным ленником и не с автономным удельным владельцем, а со средней руки чиновником имперского госаппарата. В подтверждение сказанного уточним, какими именно правомочиями монгольские владетельные князья по закону обладали в отношении личности и имущества подведомственных им простолюдинов.

Правила распределения представителей социальных низов монгольского общества между разными сословиями, введенные в действие нормами цинского права, предусматривали формирование особой категории податного и трудообязанного населения — *сомонного народа*⁴. Предназначение этого наиболее многочисленного из низших сословий состояло в том, чтобы составить социальный фундамент имперской административной системы в Монголии и использовать ее население в качестве мощной, хорошо организованной вооруженной силы, способной отстаивать разнообразные военно-политические интересы маньчжурской династии. В терминах цинского законодательства статус монгольского сомонного населения определялся общим понятием «люди свободного состояния» или «добрый народ» (монг. *sayin kütün*; кит. 良民). Подобный статус прежде всего распространял на жителей сомонов обязанности по исполнению государственных служб и несению казенных повинностей. В качестве «государевых служилых людей» сомонные араты были избавлены от каких-либо форм личной зависимости и числились состоящими под управлением хошунных правителей и чиновников. Согласно цинским законам, никто из монголов (не исключая и представителей общественных верхов) не мог иметь самостоятельных, не санкционированных имперскими властями правомочий по отношению к личности тех простолюдинов, кто был занесен в реестры «людей свободного состояния». Впервые такие юридические нормы были зафиксированы императором Канси в указе, датированном 1683 г.: «Если человек

⁴ *Сомонные люди* (монг. *suman-u arad*; кит. 苏木兵丁) — категория военно- и трудообязанного монгольского населения, которое состояло в особых единицах административного деления — *сомонах* (монг. *suman*; кит. 佐领). Сомоны, учрежденные по образцу и подобию нюру (подразделений маньчжурских Восьмизнаменных войск), были впервые введены в Южной Монголии указом императора Шуньчжи в 1658 г. [10, цз. 140, л. 216]. Согласно этому указу в каждый сомон следовало зачислять «150 душ совершеннолетних податных мужского пола», каждые три из коих снаряжали одного конного латника (монг. *quau*; кит. 马甲). Последний, находясь в родных кочевьях, обязан был пребывать в постоянной готовности по первому приказу выступить в поход, а при разверстке казенных повинностей нес особо ответственные виды служб — преимущественно в пастухах при казенных стадах, на курьерских почтовых станциях и в пограничных караулах. Всего в сомоне полагалось иметь 50 конных латников. Прочее мужское население именовалось «неслужилым» и состояло в боеготовом резерве. При объявлении общего сбора всех монгольских войск двое из трех сомонных жителей обязаны были выступить в поход, один же оставался в исконном месте жительства для содержания в порядке хозяйства [11, цз. 50, л. 176].

свободного состояния будет обманным путем склонен к тому, чтобы быть проданным в рабство, в жену, в наложницу, для усыновления или для того, чтобы сделать его чьим-либо внуком, то всех участвовавших в сей незаконной сделке, не различая среди них продававших и покупавших, сечь кнутом по 100 ударов и сверх того оштрафовать тремя *девятками*⁵ скота. Буде же сами проданные знали о незаконной сделке и на нее согласились, то и их наказать сотней плетей» [10, цз. 144, л. 186]. В XVIII и XIX вв. положения этого указа неизменно присутствовали в числе законодательных статей во всех основных цинских кодексах, устанавливавших порядок управления Монголией.

Один из таких кодексов — *Уложение Лифаньюань*⁶ — в третьем издании (1842 г.) содержит другой пример подобных правовых норм. Его 23 раздел запрещал управляющим хошунами монгольским князьям «передавать в казну *хутухт*⁷ и зачислять в *шабинары*⁸ находящихся под их управлением *тайджи*⁹, кои имеют степень, и аратов, каковые состоят в сомонах. Ежели откроются нарушения сего установления, то незаконно сделанных шабинарами людей обратить в прежнее состояние. Управляющих же этими людьми *дзасаков*¹⁰ предать суду» [19, цз. 53, л. 11а-б]. Очевидно, что запретам, установленным приведенной законодательной статьей, была предназначена роль правового барьера, препятствующего размыванию сословия сомонных аратов, или государственных служилых людей.

⁵ *Девяток* — узаконенная цинским правом традиционная монгольская норма расчета размеров штрафа, взимаемого скотом. Упоминается в «Восемнадцати степных законах» — наиболее раннем из известных ныне памятнике халхаского права, относящемся к концу XVI — началу XVII в. [12, с. 84]. Согласно цинскому своду законов *Мэнгу люйли* (蒙古律例), датированному 1789 г., *штрафной девяток* состоял из двух лошадей, двух быков, двух коров, двух бычков-трехлеток и одного двухлетка. Тому, кто взимал штраф, сверх того полагался один бычок-трехлеток [13, цз. 12, л. 3а].

⁶ *Лифаньюань* (理藩院) — в переводе с китайского «Палата по делам управления вассальными и зависимыми территориями». Монгольское название — *ᠶᠠᠳᠠᠶᠠᠳᠤ ᠮᠣᠩᠭᠣᠯᠤᠨ ᠲᠣᠭᠦᠨ ᠶ᠋ᠢ ᠵᠠᠰᠠᠭᠤ ᠶᠠᠪᠤᠳᠠᠯᠤᠨ ᠶᠠᠮᠤᠨ* («Палата по делам управления Внешней Монголией»). Подразделение центрального правительственного аппарата Империи Цин, которому был поручен надзор за положением дел во Внешней Монголии, Синьцзяне и Тибете. К числу обязанностей, возложенных на это ведомство, относилось составление и редактирование свода законов, предназначенных для управления подведомственными ему регионами. В общей сложности существуют пять изданий *Уложения Лифаньюань* [14, р. 334]. Сводный текст первого и второго изданий (1817 и 1826 гг. соответственно) был опубликован в современном варианте старомонгольского письма в КНР под редакцией Алтаноргила [15]. Переводчиком первого издания *Уложения* на русский язык является маньчжуровед С. П. Липовцов [16].

⁷ *Хутухты* (монг. *qutuqtu*) — линии реинкарнаций буддийских святых и одновременно титулы высших церковных иерархов в Монголии.

⁸ *Шабинары* (монг. *šabi-nar*; кит. 沙毕) — букв. «ученики» или «последователи». Сословие монгольского податного и трудообязанного населения. Шабинары были подведомственны казне хутухт (монг. *sang*), распоряжавшейся индивидуальной собственностью последних. Отличительной чертой казны хутухт, по сравнению с собственностью обычных монахов, было существование шабинаров наряду с имуществом и скотом [17, с. 55]. С распространением на Монголию административного контроля Империи Цин «самовольный», т. е. не санкционированный имперскими властями, переход светского населения в сословие шабинаров был запрещен. Данный запрет был установлен специальной статьей, содержащейся в первой (1817) и последующих редакциях «Уложения Лифаньюань» [18, цз. 59, л. 12а].

⁹ *Тайджи* (монг. *taiji*; кит. 台吉) — носители низших аристократических достоинств и рангов знатности, привлекались цинскими властями к государственной службе в качестве правителей хошунов или чиновников в монгольском военно-административном аппарате.

¹⁰ *Дзасак* — правитель хошуна. См. примеч. 3.

Что касается прав монгольской знати на имущество, которым обладала данная категория населения, то эта область цинской юриспруденции по своему содержанию совпадала с упомянутыми выше юридическими ограничениями прав князей и чиновников на личность «людей свободного состояния». Впрочем, нельзя утверждать, что цинские законы полностью лишали кочевую аристократию всяких возможностей взимать с сомнительных аратов подати и использовать их себе в услужение. Творцы этих законов ни разу не подвергали сомнению или пересмотру традиционные для монголов, сложившиеся задолго до воцарения маньчжурской династии права князей на регулярное получение определенных материальных субсидий с подведомственного им населения. Во всех собраниях цинских законов, датированных XVIII — первой половиной XIX в. и посвященных управлению Монголией, неизменно присутствуют статьи с подробным перечнем налогов, сбор которых был разрешен правителям хошунов со всех податных, населявших управляемые ими уделы, не исключая и тех простолюдинов, кто относился к государственному служилому сословию. Одна из таких статей была сформулирована следующим образом: «При взимании всеми *ванами, гунами и тайджи*¹¹ (курсив наш. — А. П.) ежегодных податей с подчиненных им людей следует с тех, кто имеет более пяти голов крупного рогатого скота, брать одну овцу, с имеющих двадцать овец брать одну овцу, с имеющих сорок овец брать две овцы. Сколько скота более сего числа не было бы у податных, больше брать запрещается. *С людей, имеющих шесть быков, следует брать шесть котлов зерна, с имеющих четырех быков — четыре*¹² (курсив наш. — А. П.). При назначении князя на казенную службу, при его отъезде на сейм, при перекочевках княжеской ставки, при случившейся в семье князя женитьбе и выдаче замуж его дочери и в прочих подобных обстоятельствах, если в подданстве сего князя состоит более 100 семейств, то с каждых десяти из таких семейств надлежит брать лошадь одну и повозку с волом одну. Помимо того, с имеющих *четыре*¹³ (курсив наш. — А. П.) коровы и более следует брать по одной требушине молока, с имеющих пять коров — по одному кувшину молочной водки, с имеющих сто баранов — по одному войлоку» [13, цз. 2, л. 19а-б; 18, 1817, цз. 12, л. 28а-29а; 19, цз. 12, л. 28а-29а; 20, цз. 12, л. 28а-29а].

Не отменяло цинское законодательство и гарантий традиционных прав монгольской знати на покрытие ее путевых издержек за счет встретившихся по дороге *невладельческих и незнатных скотоводов*¹⁴. Эти исконные привилегии кочевой аристократии были подтверждены сводом законов «Халха Джирум», введенным в действие императором Канси сразу же после распространения власти маньчжурского правящего дома на Северную Монголию [21, с. 17, ст. 5, с. 18-19, ст. 7, 8].

¹¹ *Ваны* — см. примеч. 2. *Гуны* (кит. 公; монг. güng) — представители среднего звена цинской иерархии монгольской наследственной знати, князя 5-6-го рангов. *Тайджи* — см. примеч. 9. В юридическом и административном лексиконе, характерном для рассматриваемого нами периода, словосочетание «*ваны, гуны и тайджи*» употреблялось как собирательное обозначение сословия монгольской аристократии.

¹² В кодексе законов «Мэнгу люйли» (1789), который здесь является наиболее ранним из цитируемых собраний норм цинского права, данное положение имеет иной вид: «С *имеющих две головы крупного рогатого скота брать шесть котлов зерна, а имеющих одну голову крупного рогатого скота — три*».

¹³ В «Мэнгу люйли» — «*три коровы*».

¹⁴ Исключение в соответствии с монгольскими традициями в данном случае было сделано для скота и имущества *шабинаров* (см. примеч. 8).

В дальнейшем порядок взимания подорожного содержания и подвод регулировался последующими цинскими правовыми актами. В своде законов «Мэнгу люйли» («Монгольское уложение»), датированном 1789 г., установлено, что отказ от выдачи положенного князьям подорожного содержания карается штрафом в размере одной головы крупного рогатого скота [13, цз. 2, л. 9а; 22, с. 319]. «Князьям четырех халхаских аймаков дозволяется внутри одного и того же хошуна выдавать посланным им людям на проезд подорожные с печатями, — говорится в «Своде законов Великой империи Цин» (1818). — Принадлежащим к хошунам людям по сим подорожным следует предоставлять проезжающим лошадей и продовольственное содержание» [11, цз. 52, л. 22а]. «Если при наличии подорожной с печатью не предоставят проезжающим верблюдов и лошадей, — гласят первое и второе издания «Уложения Лифаньюань» (1817 и 1826 гг.), — то оштрафовать виновных в отказе от выдачи подвод двумя (четвертое издание того же кодекса, 1842 г. — тремя. — А. П.) девятками скота. Если имеющему подорожную от князя не дадут на питание баранов, то штраф — один бык (третье издание — один *пяток*¹⁵. — А. П.). Если же при приближении посланца с княжеской подорожной кто-либо намеренно отгонит свои стада, то оштрафовать его одним девятком скота (третье издание — тремя девятками. — А. П.)» [18, цз. 33, л. 386; 19, цз. 33, л. 436; 20, цз. 33, л. 386].

Как видно из сказанного, цинское законодательство в принципе не запрещало халхаским общественным верхам взимать с сомонного народа подати и облагать его повинностями в свою пользу. Но подобные разрешения тут же сопровождались изрядным количеством оговорок, условий и прочих юридических «запятых». С их помощью имперские власти стремились установить пределы, до которых, по их представлениям, главному служилому сословию было позволено выступать объектом фискальных притязаний туземных аристократов и чиновников. Тем самым санкционированные казной права монгольской знати на имущество «лиц свободного состояния» приобретали облик, весьма далекий от феодального податного иммунитета. За примером обратимся к указу императора Цяньлуна, датированному 1773 г.: «Если кто из халхаских князей в обход истинных правил будет изнурять своих податных самовольными и незаконными поборами, чем доведет их до бегства, и податные без особых на то причин станут разбегаться в другие хошуны, уводя с собою скот, и примутся совершать прочие противозаконные и противоречащие нормам нравственного поведения проступки, то после принесения на сей счет жалоб подобные дела надлежит расследовать. Коль скоро положение дел действительно окажется таковым, виновных князей следует предать на основании законов суду и наказанию по всей строгости» [6, л. 316]. Следует заметить, что в исследуемый период подобные распоряжения центральных властей в том или ином виде повторялись постоянно. Так, в 1828 г. в циркулярном распоряжении Лифаньюань, адресованном *сеймовым старшинам*¹⁶ четырех халхаских аймаков, было ука-

¹⁵ *Пяток* — узаконенная цинским правом традиционная монгольская норма расчета размеров штрафа, взимаемого скотом. Упоминается в «Восемнадцати степных законах» — наиболее раннем из известных ныне памятнике халхаского права, относящемся к концу XVI — началу XVII в. [13, с. 84]. Согласно цинскому своду законов *Мэнгу люйли* (蒙古律例), датированному 1789 г., *штрафной пяток* состоял из одного быка, одной коровы и трех бычков — одного трехлетка и двух двухлеток. Помимо того, человеку, взыскавшему штраф, полагался бычок-трехлеток [13, цз. 12, л. 3а].

¹⁶ Должности *сеймовых старшин* (монг. *сіyүлүн-и дагчу-а*; кит. 盟长) были учреждены в Северной Монголии указом императора Юнчжэна в 1727 г. [23, с. 100]. Старшина управлял админи-

зано: «Отныне и впредь со всей строгостью запрещается дзасакам, основываясь на привилегиях, коими они обладают по должности, притеснять своих подданных, под видом казенных надобностей взимать с них чрезмерные подати, обирать и попусту изнурять их» [4, л. 926].

За нежелание соблюдать установленный порядок обложения подведомственного им населения налогами и повинностями халхаские князья и чиновники несли предусмотренную законом ответственность. Причем статьи о податных злоупотреблениях кочевой верхушки оказались в числе тех правовых норм, которые по мере развития монгольских разделов цинского законодательства были подвергнуты наиболее детальной и всесторонней разработке. Правомерность такого вывода очевидна из сравнения разных изданий «Уложения Лифаньюань». В первом из них сказано: «Если ваны, гуны и тайджи будут по собственному произволу брать подати в большем, чем означено, количестве, то их надлежит предать суду и наказанию по закону» [18, цз. 12, л. 29а]. В двух последующих редакциях того же свода законов данная статья приобрела следующий вид: «В размерах, превышающих установленные, подати брать ванам, гунам и тайджи воспрещается. Если налоги будут взысканы с превышением установленной нормы на 1/10, то с допустивших такое нарушение князей удержать жалованье, полагающееся им согласно их титулам, за один месяц. Если незаконно взыскано будет от 1/10 до 3/10, то лишить князей жалованья за два месяца. За противозаконное взимание податей в еще больших размерах увеличивать наказание в то же число раз, в какое оные размеры были превышены» [19, цз. 12, л. 29а; 20, цз. 12, л. 29а].

Что же касается отмеченных нами выше прав на получение подорожного провианта, то и в этой сфере цинские законы не предоставляли халхаской обществу верхней ни особой свободы, ни самостоятельности. Имперские власти не препятствовали взиманию монгольскими князьями и чиновниками прогонных средств со встретившегося по пути населения единственно лишь при поездках по надобностям казенной службы. Но как только речь заходила о путешествиях представителей туземной аристократии по их личным нуждам, так сразу же законодательные статьи принимали вид сурового запрещающего императива, предписывавшего кочевой знати возмещать собственные издержки из своих же средств. Истоки этой законодательной концепции восходят к уложению 1722 г., вошедшему в свод законов «Халха Джирум» [21, с. 24, 25, ст. 3]. В дальнейшем она развивалась и совершенствовалась, принимая все более категоричные формы. Подтверждением сказанному может служить распоряжение *цинского наместника в Да Хурээ*¹⁷, направленное в 1790 г. старшинам халхаских аймачных сеймов: «Ныне князьям при

стративными делами аймака и председательствовал на ежегодных сеймах приписанных к нему князей. Для содействия старшине в исполнении возложенных на него обязанностей была введена должность его помощника (монг. *čiyülan-u ded daruγ-a*; кит. 副盟长).

¹⁷ Должность упомянутого *цинского наместника*, за которым в Монголии закрепилось маньчжурское название *амбань*, была учреждена в 1751 г. указом императора Цяньлуна [3, р. 101]. Этот сановник был поставлен во главе административной канцелярии, расположенной в Да Хурээ (Их Хурээ, или Урге) — месте пребывания монастыря Джебдзун Дамба-хутухты, одного из наиболее влиятельных иерархов буддийской церкви в Монголии. Служивший здесь амбань, помимо наблюдения за положением дел в монастыре хутухты, контролировал северомонгольский участок границы Империи Цин с Россией, надзирал за соблюдением правил трансграничной торговли и осуществлял «общее заведование» административными делами в двух восточных аймаках Халхи — Тушетуханском и Сэцэнханском.

поездках по личным надобностям, согласно прежним законоустановлениям, брать у встретившегося по пути населения подводы запрещается» [24, л. 56]. В третьем издании «Уложения Лифаньюань» (1842) по тому же поводу говорится: «В случаях, когда поездки управляющих и не управляющих хошунами ванов, *бэйлэ*, *бэйсэ*¹⁸, гунов и тайджи не имеют касательства к делам очередных казенных служб, им запрещается по своему произволу брать баранов в порядке подорожного провианта. Если данное постановление нарушат управляющие хошунами ваны, гуны и тайжди, то лишать их жалования за три месяца, а не управляющих хошунами ванов, гунов и тайджи штрафовать пятком» [19, цз. 33, л. 426]. Заметим, что в предыдущих первом и втором изданиях того же кодекса (1817 и 1826) аналогичная статья не устанавливала столь строгих ограничений прав степной знати на «подорожный корм». «Не управляющие хошунами ваны, *бэйлэ*, *бэйсэ*, гуны, тайджи и *табунаны*¹⁹, — говорилось в ней, — не должны по своей воле брать баранов в порядке подорожного содержания. Нарушивших данное постановление следует штрафовать одной лошадью» [18, цз. 33, л. 376; 20, цз. 33, л. 376].

Вместе с тем цинским законодательством предусматривались известные исключения из приведенных выше жестких правил, разрешающие представителям монгольских общественных верхов при известных обстоятельствах возмещать их личные транспортные издержки, но исключительно лишь за счет населения подведомственных им хошунов. Вновь обратимся к статьям первого и второго изданий «Уложения Лифаньюань»: «Когда князья и чиновники едут по собственным делам, пусть даже путь их не близок, они должны использовать своих лошадей и собственный скот. Если же они отправляются в другой хошун и путь их следования далек, то единственно лишь в данном случае им разрешается использовать подводы и довольствие за счет состоящих в их хошунах аратов, смотря по имущественному положению и зажиточности последних» [18, цз. 33, л. 41а-б; 20, цз. 33, л. 41а-б]. Заметим, что в третьем издании «Уложения» эта статья была переработана и приняла следующий вид: «При поездках по личным делам князьям и чиновникам следует использовать только лишь довольствие и подводы, принадлежащие людям, состоящим в подведомственных им хошунах, смотря по имущественному состоянию и зажиточности сих людей. Помянутое довольствие надлежит брать и расходовать исключительно в размерах, не более чем необходимых для проезда по назначению» [19, цз. 33, л. 456].

В XVIII — первой половине XIX в. пекинские административные инстанции не только разрабатывали и совершенствовали адресованные монгольской знати правила использования подвод и прогонных средств, но и вполне последовательно контролировали соблюдение порядка, установленного в этой сфере. Старшины халхаских сеймов в конце каждого года были обязаны направлять в Лифаньюань доклады о надзоре за тем, как князья и чиновники в хошунах пользуются подорожным провиантом, с указаниями на допущенные ими нарушения правил проезда на подводах, предоставленных населением. Подчеркнем, что механизм подобного контроля действительно был распространен на Северную Монголию и существо-

¹⁸ *Бэйлэ*, *бэйсэ* или *бэйцзы* (монг. *beyil-e beyis-e*; кит. 贝勒, 贝子) — в цинской иерархии монгольской наследственной знати титулы князей 3–4-го рангов.

¹⁹ *Табунан* (монг. *tabunang*; кит. 塔布囊) — титул монгольского князя, получившего право взять в жены маньчжурскую принцессу из императорского дома или из княжеского рода.

вал отнюдь не только в воображении создателей цинских законов. Подтверждением сказанному может являться хранящийся ныне в Санкт-Петербурге, в Институте восточных рукописей РАН, реестр исходящих документов канцелярии хошуна гуна Сандавминджуура за 1828 г. Этот реестр содержит копию доклада старшине Тушетуханского аймачного сейма об использовании проезжавшими через хошун в течение года должностными и прочими лицами подорожного провианта и подвод, взятых у аратов ([25, л. 76]; описание источника см.: [5, с. 175, 176]).

Если попытаться привести к общему знаменателю законодательные ограничения и нормы, изданные в Империи Цин в рассматриваемый нами период для регламентации фискальных прав монгольских князей и чиновников по отношению к сомонному населению, то можно прийти к одному достаточно очевидному выводу. Налоги и повинности, которыми «люди свободного состояния» были обложены в пользу халхаской знати, устанавливались и регулировались никак не этой самой знатью, а имперскими властями и, следовательно, юридически мало чем отличались от казенных податей и служб. Единственно лишь доходы от подобного обложения по воле законодателя не поступали напрямую в государственный бюджет, а использовались для содержания туземной администрации в Северной Монголии. Именно такой подход к податным правам монгольской знати был сформулирован в 1802 г. сановниками Военной палаты (монг. *šereg-ün juγan*; кит. 兵部) в следующем докладе императору Цзяцину, который удостоил высказанные докладчиками суждения одобрительным рескриптом: «Когда (монгольские. — А. П.) чиновники и несущие казенную службу сомонные араты из всех хошунов сопровождают князей на военные смотры и учения, проводимые во время облавной охоты, доставляют все необходимое для отъезда князей на новогодние императорские аудиенции, для их поездок ко двору или на сеймы, покрывают расходы князей на встречи и проводы проезжих лам, препровождают куда следует преступников и пр., то оные обязанности *не являются службами, каковыя помянутые чиновники и сомонные люди несут лично в пользу князя в его отдельном собственном хошуне* (выделено нами. — А. П.)²⁰. Наша палата доносит его императорскому величеству, что вместо указанных повинностей никакие иные назначать не разрешено. Дзасак-ков же следует вразумить насчет того, чтобы они привлекали народ к исполнению такого рода служб, соблюдая в сем деле меру, дабы не изнурять его и не причинять ему страданий» [25, л. 126].

В дополнение к сказанному заметим, что в представлениях цинских властей подати и повинности, взимаемые монгольскими хошунными правителями с сомонных аратов, по своему предназначению оказались, по существу, идентичными так называемым «субсидиям, питающим честность и бескорыстие» (养廉银). Эти субсидии в середине XVIII в. были введены в Китае, где местные чиновники получили право оставлять в своем распоряжении определенную часть налогов, собранных с подведомственных им территорий [26, р. 24]. В обоих случаях речь идет о том, что официальные доходы представителей халхаской знати и китайской бюрократии не складывались из одного лишь *служебного жалованья*²¹. И те и другие

²⁰ В латинской транслитерации монгольского текста это суждение выглядит следующим образом: *tegün-ü über über-ün qosiyun-u über-ün kereg alban büsü*.

²¹ Если сравнить размеры *жалованья*, которое по закону полагалось от цинской казны монгольским князьям и китайским чиновникам, то первые в XVIII — середине XIX в. находились в бо-

в равной степени были наделены правами обращать в свой доход фиксированную долю фискальных поступлений с управляемых ими административно-территориальных единиц. Что касается китайских чиновников, то за счет *таких доходов*²² они были обязаны покрывать административные расходы и содержать низших должностных лиц, находившихся в их подчинении, но не состоявших на финансовом довольствии у центральных властей. Если в итоге этих расчетов оставались какие-то средства, то их чиновники могли использовать по собственному усмотрению [26, p. 24, 25].

Регулирование фискального статуса монгольских князей было введено по причинам, весьма близким к тем, что вызвали к жизни «субсидии для поощрения бескорыстия» местных чиновников в Китае. Прибегая к подобному регулированию, имперские власти исходили из того, что хошунные правители, равно как и главы администрации китайских провинций, округов и уездов, объективно не имели возможности за счет одного лишь лично им положенного жалования содержать подведомственный управленческий аппарат и покрывать иные расходы, неизбежно возникавшие в связи с исполнением служебных обязанностей. Об этом прямо сказано в указе императора Цяньлуна от 1773 г.: «Все халхаские ханы, ваны и дзасаки имеют доходы за счет податей и повинностей, кои они взимают с податных, состоящих под их началом. Если последние перестанут платить налоги своим ханам, ванам и дзасакам, то таковые дойдут до того, что не смогут нести государственную службу и окажутся не в состоянии сыскать себе насущного пропитания» [6, л. 316].

Отмеченное нами сходство фискальных институтов в Монголии и Китае указывает на известную унификацию принципов развития административного и налогового законодательства в этих двух частях империи Цин. Методом достижения такого единообразия была постепенная китаизация законов, предназначенных для управления монголами [28, p. 310, 311]. Рассмотренные нами новации в нормах монгольского налогового права оказались очевидным проявлением подобной закономерности. В результате этих нововведений представители халхаской аристо-

лее привилегированном положении. Например, халхаские князья — обладатели высших ханских титулов могли рассчитывать на ежегодные ассигнования в сумме 2500 серебряных лан. Помимо этого им выдавалось 40 отрезков лучшей парчи и шелка. Стоящим в аристократической иерархии на ступень ниже цинь-ванам был гарантирован доход в 2000 лан и 25 отрезков тканей. Наименьшее жалование было назначено тайджи первой степени, управлявшим хошунами, — 100 лан и 4 отреза шелка [18, цз. 13, л. 1а, 4а-6]. Что до китайских чиновников, то положенное им денежное содержание было куда скромнее. Те из них, кто исполнял должности, соответствующие в табели о рангах чину первого класса второй степени (к коим, например, относились главы шести правительственных ведомств империи, президенты императорского цензората и т. п.), в год получали 180 лан серебром. Столичным чинам сверх того выдавалось еще 180 ху (1 ху — около 52 литров) зерна. Начальники округов и уездов — китайские чиновники, сопоставимые по характеру административных полномочий с правителями монгольских хошунов, ежегодно получали из казны по 80 и 50 лан соответственно [27, цз. 1, л. 3а-5а]. Правда, следует заметить, что в данном случае речь идет о базовых ставках денежного и натурального довольствия, которые в определенных случаях могли дополняться премиальными доплатами. Но даже с учетом последнего обстоятельства нельзя не отметить, что в нормах цинского законодательства размер жалования китайских чиновников очевидно уступал обильному содержанию, назначенному монгольским князьям. Данный феномен — один из показателей первоочередной значимости, которую имперские власти придавали лояльности монгольской аристократии.

²² Например, для окружных начальников ежегодный *размер дополнительных субсидий* мог составлять от 500 до 2000 лан, а для правителей уездов — от 400 до 2289 лан [26, p. 24, 25].

кратии в сфере имущественных отношений с подчиненным им населением были выстроены по одному ранжиру с китайскими чиновниками.

Впрочем, здесь следует учесть также и тот очевидный факт, что разнообразные материальные обязательства рядовых скотоводов по отношению к их предводителям возникли и существовали в Халха-Монголии задолго до ее вхождения в состав Империи Цин и никак не вследствие юридической санкции пекинских властей. Поэтому регламентация податного статуса монгольской знати, с точки зрения творцов имперского законодательства, отнюдь не была предназначена исключительно лишь к тому, чтобы гарантировать туземным князьям и чиновникам высокий уровень благосостояния, соответствующий их социальному положению. Напротив, правила взимания налогов и повинностей должны были стать нормативной базой для поисков компромисса между традиционными фискальными интересами кочевой аристократии и потребностями цинских властей в мобилизации сил и средств монгольских скотоводов для решения государственных задач.

Вместе с тем в рассматриваемых здесь обстоятельствах, как, впрочем, и во многих других подобных случаях, монгольская общественная действительность не демонстрировала готовности к тому, чтобы немедленно измениться в точном соответствии с предписаниями, исходившими из далекого от нее Пекина. Известные нам источники показывают, что цинские законы, регламентировавшие и ограничивавшие права кочевой знати на личность и имущество подчиненных ей скотоводов, не были обеспечены сколько-нибудь весомыми гарантиями эффективности их действия. Наиболее красноречивым подтверждением сказанному выступают многочисленные факты произвольного (в терминах имперского законодательства) обложения сомонного населения податями и повинностями, которое вводилось управлявшими халхаскими хошунами князьями и чиновниками без разрешения вышестоящих правительственных инстанций и в размерах, очевидно, порой дажекратно превышавших установленные нормы. Надо заметить, что владетельные князья и их окружение отличались подобными склонностями с первых же десятилетий цинского господства над Северной Монголией. Уже в то время имперские власти вынуждены были прибегнуть к суровым административным мерам, стремясь уберечь «людей свободного состояния» от княжеского произвола и тем самым сохранить материальные основы казенных служб и государственных налогов. Так, в 1733 г. указом императора Юнчжэна в наказание за «необузданное своевольство» в отношении подданных был лишен титула и уволен от должности дзасак-тайджи Дамиранжав из Сэцэнханского аймака [29, цз. 59, л. 156]. В том же году его судьбу по аналогичным причинам разделил дзасак-тайджи Даван [29, цз. 60, л. 166].

Впрочем, Юнчжэн и его советники по монгольским делам в борьбе с «лихоимством» кочевой знати не уповали на одни лишь наказания ее прощтрафившихся представителей. В начале 30-х годов XVIII в. упомянутый цинский монарх санкционировал ряд мер, очевидно направленных на поиск дополнительных гарантий соблюдения фискальных интересов казны в Монголии, но при этом не связанных с жестким административным давлением на местную знать. Одной из таких мер стало назначение северомонгольским князьям уже упоминавшегося выше ежегодного государственного жалованья. Учреждая порядок его выплаты, цинские центральные власти полагали, что у туземной аристократии появится возможность хотя бы частично возместить потери, вызванные ограничениями ее традиционных подат-

ных иммунитетов. Как сообщает халхаский историк XIX в. Галдан, в 1733 г. «была высочайше удостоена одобрения всеподданнейшая просьба сэцэн-хана Чойджавы о пожаловании ему субсидии из государственной казны» [30, с. 217]. В объяснении побудительных мотивов такого императорского волеизъявления нельзя не согласиться с комментариями, данными им А. М. Позднеевым: «Ограничиваемые почти на каждом шагу в своих поборах и более других *потерпевшие разжалований*²³ (курсив наш. — А. П.) сэцэнхановцы первые же обратились к императору и о назначении им средств для содержания, коль скоро им воспрещается получать эти средства с народа... Нет сомнений, что все это (ассигнование жалования халхаским князьям. — А. П.) делалось Юнчжэном главным образом ввиду того, чтобы уменьшить поборы с народа и таким образом облегчить его бедственное положение» [31, с. 362].

Однако подобные меры не создали материальных стимулов, побуждавших монгольскую знать к последовательному соблюдению норм фискального законодательства. Грозные императорские указы и суровые предписания правительственных инстанций, требовавшие от правителей халхаских хошунов немедленно прекратить незаконное и самовольное взимание податей и повинностей с сомонного населения, в XVIII — первой половине XIX в. повторялись многократно, почти дословно и уже по одному этому вряд ли приносили сколько-нибудь существенную пользу. Два примера подобных указов приведены в начале этой статьи. Но ими перечень нормативных актов, посвященных интересующей нас теме, далеко не исчерпан. Ее напрямую касался и следующий указ императора Цзяцина, изданный 1803 г.: «Отныне и впредь если хошунные правители под ложными предлогами исправления казенных служб будут наживаться за счет своих подданных и изнурять их, а равно если те правители будут по собственному произволу взимать с подвластных им людей подати и рассылать их с поручениями, куда им вздумается, то всем причастным к сим делам инстанциям предписывается при первых же докладах о подобных происшествиях всенепременно представлять на высочайшее имя донесения с описанием совершенных хошунными князьями проступков для учреждения над таковыми князьями следствия и суда» [4, л. 396]. В том же году сандунники, командированные Лифаньюань в Северную Монголию со специальным заданием, в очередной раз указали хошунным правителям, что им запрещается взимать чрезмерные и незаконные подати с подведомственного населения, и установили для каждого из дзасаков число лошадей и нормы провианта, разрешенные к взысканию со скотоводов-простолюдинов, встретившихся им по пути во время служебных поездок [25, л. 126]. В 1828 г. получил «высочайшее одобрение» составленный Лифаньюань свод правил для управления северомонгольскими хошунами, в котором, в частности, сказано: «Отныне и впредь со всей строгостью запрещается дзасакам, их *помощникам по делам гражданского управления*²⁴ и прочим чи-

²³ Речь идет об упомянутых выше дзасак-гайджи Даване и Дамиранжаве, а равно и еще о нескольких князьях из Сэцэнханского аймачного сейма, которые были лишены титулов и должностей за различные служебные упущения и злоупотребления.

²⁴ *Помощник хошунного правителя по делам гражданского управления, или туслэгчи-гайджи* (монг. *tusalayūci tayijī*; кит. 协理旗务台吉) — наименование должности в аппарате управления хошунами в Монголии цинского периода. В административную структуру эта должность была включена в 1682 г. указом императора Канси [10, цз. 140, л. 186]. В дальнейшем содержание указа вошло во все основные сборники цинского законодательства, связанного с управлением Монголией, в частности

новникам, основываясь на привилегиях и преимуществах, проистекающих из их должностного положения, чрезмерно притеснять своих подданных, взимать с них лишние налоги и причинять им трудности, обирать их под видом надобностей казенной службы и доводить до нужды и скудости» [3, л. 926]. В указе императора Даогуана от 1840 г. говорилось: «Отныне и впредь все то, что дзасакам следует взимать с населения подведомственных им хошунов, пусть они собирают в количествах, установленных по закону. Сбор податей в числе, превышающем установленную законом норму, надлежит отселе строго запретить» [25, л. 816].

Следует оговорить, что нами приведены далеко не все, а лишь некоторые, с нашей точки зрения, наиболее характерные примеры императорских указов и правительственных распоряжений, посвященных борьбе с «корыстными злоупотреблениями» монгольской знати. Впрочем, несмотря на все запреты, правители хошунов и их ближайшее окружение продолжали систематически заниматься тем, что, на взгляд создателей имперского законодательства, следовало квалифицировать как самовольную эксплуатацию подведомственного населения. Сведения на сей счет в источниках и литературе как минимум столь же многочисленны, как и сообщения об императорских указах, запрещающих монгольской знати при взыскании налогов и повинностей «брать не по чину».

Сообщения о фактах массовых нарушений норм цинского податного законодательства должностными лицами туземной халхаской администрации в изобилии содержатся, например, в работах монгольских историков, написанных еще в прошлом веке. Автор одной из них, Ш. Нацагдорж, опубликовал фрагмент официального доклада с подробным описанием фискальных обязательств, возложенных хошунными дзасаками на состоящий в их подчинении простой народ. Доклад был составлен в 1783 г. цинским наместником в Их Хурээ, адресован в Лифаньюань, а оттуда поступил «на высочайшее рассмотрение». Сравнение его содержания с нормами цинских законов дает представление о том, в какой (заметим сразу — весьма значительной) степени монгольские князья и чиновники пренебрегали установленными для них правилами. В докладе, в частности, сказано: «При изучении и проверке положения дел с податным населением в хошунах выяснилось следующее. В Тушетуханском и Сэцэнханском аймаках, пребывают ли управляющие хошунами ваны, гуны и тайджи в собственных кочевьях или отправляются куда-либо, все необходимое при этом им самим и их свите они взимают с податного населения подведомственных им хошунов. Податные в порядке натуральной подати поставляют скот и провиант для чиновников и цириков, несущих от каждого из хошунов службу в пограничных караулах, на казенных пашнях и в охранных гарнизонах, расквартированных в *Улясутае* и *Кобдо*²⁵. При сем, однако же, князья с подчиненных им податных взимают скот и продовольствие для употребления по личным нуждам в собственном хозяйстве и для надобностей тех служителей, кои

в «Уложение Лифаньюань»: «Во всех монгольских аймаках, в каждом хошуне установить должность тайджи, помогающего в делах управления хошуном. Сим тайджи вменяется в обязанность содействовать хошунным правителям в делах управления хошунами» [18, цз. 6, л. 16а-б].

²⁵ *Улясутай* и *Кобдо* в цинский период — военно-административные центры управления территорией Внешней Монголии, резиденции имперских наместников, места размещения региональных административных инстанций, расквартирования воинских гарнизонов и хранения мобилизационных материальных запасов. Представляли собой укрепленные города, первый из которых был основан в 1733 г., а последний — в 1762 г.

сопровожают их в поездках и живут в их ставках. Равным образом князья взыскивают с состоящего в их ведении народа скот, продовольствие, юрты, палатки, чай и прочее, необходимое им и даже их свите во время всех разъездов по казенным и личным делам: на новогодние императорские аудиенции в Пекин, на *военные смотры и охоты*²⁶, на *очередную службу в Улясутай*²⁷, на сейм или на поклонение разным святым местам» [32, с. 186].

Цитированный доклад интересен тем, что в нем указаны каналы, по которым юридически причитающиеся имперской казне материальные ресурсы уплывали из хозяйств монгольских скотоводов в руки владетельной степной знати. Очевидно, что в ее лице цинские власти столкнулись с серьезным конкурентом своим податным интересам, конкурентом, располагающим властью и правами на личность и имущество простолюдинов, достаточными для того, чтобы без ведома сюзерена не просто эпизодически «грабить» народ, а самостоятельно организовать его регулярное обложение податями и повинностями. Несколько приведенных ниже примеров, с нашей точки зрения, вполне очевидно подтверждают справедливость именно таких умозаключений.

По данным, почерпнутым монгольским автором Ц. Насанбалжиром из цинских канцелярских документов, бэйсэ Дэчинрампил, управлявший хошуном в Тушетуханском аймаке, в 1780-е годы на протяжении нескольких лет (до тех пор, пока не был пойман за руку цинскими властями) с четырех подчиненных ему сомонов регулярно взимал в качестве натурального налога по 560 овец. Причем процедура такого налогообложения была упорядочена, для чего бэйсэ раз в три года практиковал перепись всего скота, принадлежавшего «людям свободного состояния». По ее результатам в нарушение имперского законодательства, требовавшего взимать по одной овце с каждых двадцати, Дэчинрампил облагал сомоны податью из расчета одна голова с каждых десяти. Изъятый таким образом скот упомянутый князь употреблял на собственные нужды. К тому же этот бэйсэ опять-таки вопреки нормам цинских законов привлекал государственных служилых людей к работам в своем личном хозяйстве. Ежегодно по 50 аратов, числившихся сомонными, пасли принадлежавший князю скот и были заняты на различных работах по обустройству и обслуживанию его ставки [33, с. 7].

По обвинению в «лихоимстве» попал под суд и другой хошунный правитель из Тушетуханского аймака — ван Цэрэндорж. В следственном деле, материалы которого изучали монгольские историки, указано, что упомянутый князь ввел у себя

²⁶ В 1674 г. для южных монголов, а в 1693 г. и для халхасцев был издан следующий указ императора Канси, вошедший во все последующие собрания цинского законодательства, предназначенные для управления Монголией: «Ежегодно по весне управляющие хошунами ваны, бэйлэ, бэйцзы, гуны, тайджи, а равно и все принадлежащие к их хошунам тайджи и рядовые совершеннолетние военнообязанные податные должны собираться для проведения *военных смотров* (курсив наш. — А. П.), дабы привести в порядок оружие и снаряжение и произвести воинские учения» [10, цз. 140, л. 346–35а]. Формой проведения учений являлась традиционная монгольская *облавная охота*.

²⁷ В подчинении цинского наместника (или цзянцзюня) в Улясутае в числе прочих состояли и административные подразделения, которые не имели постоянного штата и комплектовались должностными лицами, командированными на трехмесячный срок из Северной Монголии. Для руководства этими подразделениями в Улясутай для *несения служебного дежурства* по очереди направлялись помощники старшин халхаских сеймов, ведавшие военно-административными делами. Под их непосредственным началом находились департаменты казенных служб четырех северомонгольских аймаков.

натуральную подать в размере одной десятой от поголовья овец, принадлежавших подчиненному ему сомонному населению. С тех же людей, в чьих хозяйствах числилось менее 10 голов овец, Цэрэндорж в нарушение цинских законов, предписывавших освобождать малоимущих от налогов, требовал взносы в виде кирпичного чая. Впрочем, период пребывания вана у власти был недолгим и составил всего три года (с 1801 по 1804 г.). Но и за это время он успел сверх положенной нормы взыскать с подчиненных ему сомонов 416 голов крупного рогатого скота, 2160 овец, войлоки, продовольствие и т. д. Общая стоимость всех этих незаконных поборов, исчисленная цинскими следователями в денежной форме, составила 6707 серебряных лан [32, с. 7, 186].

В документах канцелярии сеймового старшины Сэцэнханского аймака III. Нацагдорж обнаружены датированные 1843 г. материалы о служебных злоупотреблениях еще одного хошунного правителя — гуна Цэдэвдоржа. В ходе расследования выяснилось, что этот князь взял в долг у китайской торговой компании большое количество чая и решил вернуть кредит за счет подначального ему сомонного населения, для чего обложил его особой, не предусмотренной законом «чайной» податью. Кроме того, гун постоянно направлял для работы в своей ставке три хозяйства из состава государственных служилых людей и взимал с сомонов необходимые для этих хозяйств продовольствие, тягловый скот и пр. Цэдэвдорж также произвольно увеличил против установленной имперским законодательством нормы размер податей скотом, вносимых в его пользу «людьми свободного состояния». Наконец, население, принадлежавшее к хошуну этого князя, было привлечено им к исполнению незаконных ямских служб. Для разъездов по личным нуждам гун постоянно брал подводы и провиант в сомонах и рассылал за их счет своих приближенных с различными поручениями, далекими от казенных надобностей [32, с. 216].

*Уртонные*²⁸ злоупотребления владетельной знати, по-видимому, были проблемой, с которой цинские власти сталкивались в Северной Монголии постоянно. В аймаки и хошуны от них поступали многочисленные запрещающие указы и циркуляры, повторявшие, а порой и дополнявшие описанные нами законы о нормах подорожных «кормовых», разрешенных кочевой знати. Один из таких указов был издан в 1804 г. императором Цзяцином в ответ на доклад Лифаньюань о том, что бремя расходов, возложенных на халхаское население из-за постоянных разъездов местных князей и чиновников, за несколько предшествующих лет возросло вдвое, «от чего беспорядок и расстройство происходят немалые» [4, л. 37а]. Стремясь положить конец этому беспорядку, император предписал: «Если дзасаки и хошунные туслагчи-гайджи своей властью прикажут взимать с подданных им людей подорожное содержание в излишнем количестве, то о действиях сих дзасаков и туслагчи надлежит составлять доклады, в коих указывать виновных, и оные доклады препровождать по инстанциям вплоть до императора для учинения над нарушителями следствия и суда. Незаконно же взятый в излишнем количестве скот и прочие вещи следует взыскивать с виновных в двойном размере» [4, л. 39а].

Но при всей строгости этого и всех подобных ему запретов их действенность представляется сомнительной, поскольку постоянные уртонные злоупотребления

²⁸ *Уртон* (монг. *ürtege*) — традиционное монгольское название ямской повинности. В цинский период применялось для обозначения государственной эстафетной «почтовой гоньбы» и прочих нарядов на казенный извоз.

и в XVIII, и в первой половине XIX в., и в дальнейшем составляли неотъемлемую часть монгольской действительности. Выше мы уже приводили некоторые примеры подобных злоупотреблений, причем перечень сведений о них может быть многократно расширен. В 1793 г. указом императора Цяньлуна за «самовольную выдачу разрешений на взимание с населения подвод» были лишены годового жалования наиболее родовитые северомонгольские князья тушету-ван Цэрэндорж и сэцэн-ван Цэвдэнжав [29, цз. 46, л. 216, цз. 54, л. 166]. В 1840 г. тем же образом, но в двойном размере за аналогичные проступки был наказан дзасак-тайджи Эриндорж из Тушетуханского аймака [25, л. 826]. Следует оговорить, что упомянутые нами факты составляют лишь малую толику из многочисленных сообщений источников о нарушениях порядка исполнения нарядов на казенный извоз, допущенных представителями монгольской владетельной знати.

Впрочем, и в других областях фискального законодательства ее представители не особенно утруждали себя пунктуальным исполнением норм и правил, установленных цинскими властями. В начале 40-х годов XIX в. сеймовый старшина Сэцэнханского аймака по поручению имперских властей расследовал дело одного из представителей этой знати вана Тогтохтора (или То-вана). Чиновники и «рядовые служители», подчиненные То-вану, подали аймачному начальству жалобу на то, что он чрезмерно притесняет народ, живущий в его хошуне. Проведенное по жалобе следствие показало, что ван в течение двадцати лет своего пребывания на посту хошунного правителя действительно получал дополнительные доходы с подведомственного ему сомонного населения, которое было им обложено весьма обременительными налогами и повинностями, не предусмотренными цинским законодательством.

Заметим попутно, что Тогтохтор вошел в монгольскую историю XIX в. отнюдь не только и не столько благодаря судебному делу о налоговых правонарушениях, возбужденному против него цинскими властями. Этот князь был известным буддийским философом, покровителем ламаизма и реформатором, трудившимся над преобразованием хозяйственной, социальной и духовной жизни народа, населявшего его хошун [14, р. 537; 34, с. 51–53]. Деятельность То-вана в числе прочего отмечена и масштабными строительными проектами. В частности, он возвел стационарные здания для хошунного буддийского монастыря и выстроил в камне собственный дворец. Для воплощения в жизнь своих масштабных начинаний Тогтохтор активно использовал силы и средства подчиненного ему населения, в том числе и того, что было приписано к сомонам. Не обращая особого внимания на фискальные правила, он привлекал людей, юридически относившихся к государственному служилому сословию, к перевозкам строительных материалов, различным подсобным работам и снабжению тяглом и провиантом нанятых им на стороне строителей [35, с. 22].

Помимо того, все население хошуна То-вана, не исключая тайджи и сомонных аратов, опять-таки вопреки цинским законам несло повинности по уходу за стадами хошунного правителя и привлекалось к работам в его хозяйстве. Например, «людям свободного состояния» раздавалась шерсть, полученная от княжеских овец, из которой они по заданию хошунного правителя выделывали войлоки. При этом, по сообщению монгольского историка Ш. Нацагдоржа, труд исполнявших эту обязанность скотоводов строго нормировался. Если в изготовленной из княже-

ской шерсти валяной материи обнаруживались изъяны или выявлялась недоста- ча выданного на ее выделку сырья, то в качестве компенсации причиненного ему ущерба То-ван взыскивал с недобросовестных работников дополнительное число войлоков [35, с. 29].

Вместо причитавшихся ему по закону натуральных податей Тогтохтор взимал с населения своего хошуна не предусмотренные никакими правилами денежные налоги, раскладывая их и на сомонное население, и на низших тайджи. В показаниях, данных следствию по поводу этого нарушения налогового законодательства, он объяснил свои действия «попечением и заботой о выгоде его подданных». Убеждая вышестоящие цинские административные инстанции в своей невинности, То-ван утверждал, что за время пребывания в должности хошунного правителя он так и не взыскал в свою пользу полагающееся по закону количество лошадей, овец и зерна, на несколько лет прекратил натуральное обложение, чем способствовал пополнению сил обнищавшего народа и восстановлению достатка в его хозяйствах [35, с. 19]. Впрочем, Ш. Нацагдорж в результате анализа документов, составленных цинскими следователями, высказал обоснованные сомнения в объективности приведенных суждений князя. Чиновники сеймовой канцелярии, проверявшие положение дел в его хошуне, установили, что полученные ваном денежные взносы по стоимости оказались не ниже, а существенно выше установленной законом нормы натурального обложения. Кроме того, расследование показало, что То-ван вовсе не отказывался и от взимания податей скотом [35, с. 19].

До сих пор речь шла о злоупотреблениях с раскладкой налогов и повинностей, которые были совершены халхаскими князьями, стоявшими во главе хошунов. Но следует заметить, что известны случаи, когда нарушения цинских фискальных правил совершали главы администрации северомонгольских аймаков — сеймовые старшины, облеченные особым доверием имперских властей. В портретной галерее столь высоких сановных персон, уличенных в подобных правонарушениях, наибольшую известность приобрел сэцэн-хан Санжайдорж, занимавший пост старшины сейма в аймаке, одноименном с его титулом. В 1800 г. император Цзяцин лишил этого родовитого монгольского аристократа и титула, и должности. Поводом к такому решению стала жалоба, принесенная на действия Санжайдоржа шестью князьями, управлявшими хошунами в подведомственном ему аймаке. Эти владетельные представители халхаской знати, во главе которых стоял цзюнь-ван Дармашири, апеллируя к имперским властям, обвинили главу сеймовой администрации в многочисленных должностных преступлениях, в том числе связанных с грубым пренебрежением нормами налогового законодательства. Императорским указом к расследованию деятельности Санжайдоржа и его помощника по делам гражданского управления бэйлэ Цэрэндоржа были привлечены столичные правительственные ведомства (Военная палата и Лифаньюань) и канцелярия наместника в Их Хурээ. В отчете, представленном «на высочайшее имя» по итогам следствия, говорилось, что сеймовый старшина и его помощник уличены в присвоении крупных денежных сумм, в общем исчисляемых в 5600 с лишним лан, взысканных ими с подведомственных хошунов под видом налогообложения [25, л. 946]. Помимо того, Санжайдорж был обвинен в незаконном сборе податей с населения собственного хошуна. Полученные таким образом 13 000 серебряных лан он употребил для покрытия расходов на торжественные и пышные путешествия к святым местам,

которые были совершены им без дозволения вышестоящих административных инстанций. Часть из названной денежной суммы была пущена сэцэн-ханом на взятки столичным чиновникам, предназначенные для ускорения юридических формальностей, связанных с утверждением за ним перешедшего по наследству титула [25, л. 94б]. Впрочем, этими деяниями перечень прегрешений Санжайдоржа перед цинским законом был далеко не исчерпан. Используя свое служебное положение старшины сейма, он под видом мнимой бедности и малолюдства собственного родового удела добился перераспределения причитающихся с него казенных повинностей на другие хошуны аймака, заставив их нести дополнительную фискальную нагрузку. Кроме того, отправляясь по казенным или даже личным делам, сэцэн-хан в нарушение установленных на такой случай правил приказывал хошунам, через которые пролегал его путь, выставлять для него особые уртонные станции со штатом ямщиков, тягловым скотом и запасом провианта [25, л. 94б–95а]. Тем самым этот монгольский князь в контролируемом им аймаке присвоил себе привилегии, которыми на законных основаниях могли пользоваться только высшие должностные лица имперской администрации.

Приведенные факты оставляют мало сомнений в том, что в XVIII — первой половине XIX в. между юридическими нормами цинского законодательства и фактическим укладом монгольской общественной жизни существовал глубокий разрыв. Несовпадение цинских правовых норм и реалий монгольской действительности оказалось обратной стороной тех явлений, которые воспринимались имперским законодательством как воровство и стяжательство должностных лиц халхаской администрации. Княжеская верхушка на деле использовала имевшиеся у нее возможности обложения подведомственного населения налогами и повинностями во многом вопреки воле центральных властей Империи Цин. Очевидно, что в данном случае мы имеем дело со стечением обстоятельств, при котором пекинские сановники, в XVIII — первой половине XIX в. писавшие и редактировавшие законы для Монголии, столкнулись с нелегитимной, с их точки зрения, но укоренившейся в монгольском обществе совокупностью имущественных отношений между верхами и низами, когда первые обременяли последних бóльшим объемом податей и повинностей, чем им позволял законодатель. Судя по тому, что подобный «грабеж своих подданных» (в трактовке цинских правовых актов) был не столь уж редким занятием халхаских князей, узаконить эту социальную практику имперские власти не пожелали, но и отменить не смогли.

Учитывая изложенное, вернемся к тем вопросам о сущности рассматриваемых нами исторических явлений, которыми мы задались вначале и которым, собственно, и посвящен данный очерк. Отвечая на них, обратимся вновь к нашей исходной (и, казалось бы, наиболее очевидной) версии о том, что многочисленные нарушения цинского налогового законодательства прежде всего могли быть спровоцированы корыстными устремлениями определенной части склонных к стяжательству правителей монгольских хошунов и состоящих под их началом чиновников. Очевидно, что полностью сбрасывать эту версию со счетов было бы неверно. Нет сомнений в том, что в числе причин, побуждавших кочевую знать к небрежению фискальными правилами, присутствовали инициированные склонностями к приобретению дополнительных материальных благ в обход рестрикций, установленных властями

Империи Цин. Вместе с тем, ограничившись одной лишь этой констатацией, мы могли бы чрезмерно упростить суть исследуемых явлений.

В справедливости последнего суждения убеждают по крайней мере два обстоятельства. Первым из них, безусловно, выступает массовый характер налоговых «вольностей», которые монгольская аристократия неизменно позволяла себе в отношениях с подчиненным ей государственным служилым населением на протяжении всего рассматриваемого в статье периода. Столь широкое распространение подобных явлений исключает возможность рассматривать их как единичные порождения чрезмерного корыстолюбия отдельных немногочисленных взяточников и стяжателей, затесавшихся среди законопослушных князей и чиновников. Из приведенных выше примеров вытекает и второе из упомянутых нами обстоятельств. Оно состоит в том, что фабула обвинений, которые цинские власти предъявляли «коррупционерам», стоявшим во главе халхаских аймаков и хошунов, во всех случаях оказалась почти стандартной. Следовательно, коллизии, которые трактовались цинским законом как лихоимство общественных верхов по отношению к низам, в действительности являлись элементом сложившейся системы общественных отношений, регулярно воспроизводившихся в устойчивых социальных условиях. Причем эти отношения возникли и существовали независимо от воли имперской администрации и никак не желали укладываться в прокрустово ложе созданных ею норм регулирования повседневной жизни населения северомонгольских кочевий.

С чем могли быть связаны причины подобной неэффективности цинских фискальных законов? Возможно, с тем, что их авторы пытались ограничить традиционные права кочевой верхушки на личность и имущество скотоводов-простолюдинов, возникшие задолго до того, как маньчжурская династия воцарилась в Пекине. Хотя подобное предположение не выглядит абсолютно невероятным, мы все же не стали бы поспешно с ним соглашаться. Достаточным поводом к такой осторожности может стать упоминание об источниках, из которых имперские власти в XVIII — первой половине XIX в. черпали сведения о налоговых правонарушениях, допущенных чинами туземной халхаской администрации. Часто расследование подобных нарушений начиналось после жалоб на податной произвол местного начальства, которые направляли в вышестоящие инстанции обыватели какого-либо аймака или хошуна. Мы уже упоминали о том, что именно коллективные петиции доведенных до отчаяния подданных сломали чиновную карьеру и сэцэн-хану Санжайдоржу, и цзюнь-вану Тогтохтору, и многим прочим названным и неназванным нами «князьям-лихоимцам». Но в таком случае правомерен следующий вопрос: уместны ли приведенные выше рассуждения об устоявшихся традиционных общественных отношениях монгольских общественных верхов и низов в ситуации, когда последние в желании покарать первых за чрезмерное корыстолюбие нередко доходили с жалобами до пекинских властей? Ответ на поставленный вопрос может быть только отрицательным. Невладетельные мелкие князья, низшие чиновники и араты-простолюдины никогда не стали бы проявлять склонность к сутяжничеству и доносительству на собственную хошунную и аймачную администрацию, если бы ее действия в фискальной сфере соответствовали их традиционным представлениям о том, что могли и чего не могли требовать от своих подданных кочевые предводители. Подобные представления во многом определяли особенности правосознания и этических норм, укоренившихся в общественном сознании хал-

хасцев в рассматриваемый нами период. Одно из довольно многочисленных свидетельств, подтверждающих сказанное, содержит монгольский сборник сургалов (поучений), переведенный на русский язык Н. С. Яхонтовой. Среди прочих назидательных изречений этот сборник включает и такое: «Чиновники-корыстолюбцы — злые духи государства. Нойоны, несущие службу, не зная пределов службы, — злые духи народа» [36, с. 61].

К тому же следует заметить, что в Северной Монголии в XVIII–XIX вв. любой «человек свободного состояния» в принципе мог подать жалобу на непосредственное начальство на вполне законных основаниях. Во все издания «Уложения Лифаньюань» вошло принятое еще в восьмом году правления императора Шуньчжи (1653) положение о праве монголов обжаловать в вышестоящих инстанциях незаконное решение, вынесенное хошунным правителем по судебному или административному делу [10, цз. 144, л. 22а; 18, цз. 42, л. 1а–3а; 19, цз. 42, л. 1а–3а; 20, цз. 42, л. 1а–3а]. Причем подобные нормы нельзя считать явлением, характерным лишь для тех отраслей цинского законодательства, которые были предназначены для управления монголами. Юридическая возможность подать государю «челобитную» о незаконных действиях чиновников составляла один из фундаментальных принципов правовой системы, существовавшей в Среднем государстве с древности и вплоть до периода правления династии Цин. Тот факт, что подобные принципы неизменно определяли содержание статей «Уложения Лифаньюань», отражает уже упоминавшуюся нами общую тенденцию к очевидной китаизации цинских законов, действовавших на территории Монголии.

Что же касается возможностей к практическому осуществлению прав монголов на жалобу, то известные нам источники свидетельствуют, как правило, о весьма осторожном отношении высоких цинских административных инстанций к любым проявлениям недовольства хошунных и аймачных обывателей своим непосредственным начальством. Сеймовые старшины, дзасаки и подчиненные им чиновники являлись неотъемлемой частью иерархической структуры сословия «государевых служилых людей» и к тому же представляли собой необходимое звено административного аппарата, предназначенного для управления Монголией. Тем самым публичная жалоба или иной явный протест против действий степной знати в конечном итоге ставили под сомнение ее полномочия, санкционированные властью цинского императора. Сановники, влиявшие на монгольскую политику в имперской администрации, определенно учитывали это обстоятельство в своей повседневной служебной практике. Примером тому, в частности, может служить циркуляр, разосланный Лифаньюань в халхаские аймаки и хошуну в 1827 г. В нем в порядке наставления, адресованного их правителям, излагался следующий указ императора Даогуана: «Ныне управляющие хошунами дзасаки, хошунные туслагчи и чиновники, равно как и состоящие под их началом невладетельные тайджи и рядовые, в обычных, повседневных делах спорят, препираются, прекословят друг другу, допускают проволочки и умедления в исполнении нарядов на казенную службу. Не задумываясь о том, кто прав, кто виноват, и забыв обычай отношений между правителями и подданными, они устраивают друг с другом судебные тяжбы. При сем они в своем своевольстве переходят всякие границы, бывая при этом наказуемы и претерпевая изрядные неудобства от чинимых по их делам разбирательств. Отныне и впредь правителям и подданным надлежит, соблюдая существующие для

их отношений обычаи, оказывая друг другу поддержку и помощь, жить во взаимном согласии и мире» [4, л. 91а].

В этом контексте вполне объяснимо стремление цинских властей не перегнуть палку в поощрении жалоб монгольского населения на своих князей. Примеры, приведенные нами выше, убеждают в том, что под следствие и суд «за лихоимство» попадали лишь те правители хошунов и аймачные старшины, кто позволял себе, нарушая фискальные правила, заведомо и грубо перейти грань дозволенного. Если же в справедливости сообщений о налоговых «вольностях» князей возникали сомнения или эти «вольности» не были сродни масштабному и циничному попранию норм закона, то в таких случаях суровое наказание ожидало уже чересчур ретивых правдоискателей. В числе последних оказался, например, чиновник по имени Лувсанцэрэн, состоявший на службе в хошуне вана Цэрэнгомбо из Сайннайонханского аймака. В 1789 г. названный чиновник решил официальным порядком пожаловаться на то, что ван со своих подданных взимает чрезмерные налоги лошаадьми, прочим скотом и деньгами. Дело дошло до императора Цяньлуна, который вынес такой вердикт: «Все монгольские ханы, гуны и дзасаки, дабы исполнять казенные службы и добывать себе средства к жизни, взимают с подвластных им людей подати и повинности. Равным образом и ван Цэрэнгомбо не может упразднить обложение подчиненных ему людей лошаадьми, скотом, деньгами, и большой вины за ним нет. Что же касается тяжбы старшего чиновника свиты сего вана Лувсанцэрэна со своим князем, то допускать распространения подобных привычек и обычаев никоим образом не следует. Посему надлежит Лувсанцэрэна лишить чина и приговорить к содержанию в шейной колодке сроком на месяц. По истечении же сего срока сослать на жительство в соседний сейм» [35, с. 78].

Сведения о другом примере подобного отношения цинских властей к жалобам монголов на управлявших ими князей приводит Ш. Нацагдорж. В 1824 г. чиновники и араты из хошуна гуна Цэдэвдоржа Сэцэнханского аймака затеяли тяжбу со своим правителем, который, по мнению истцов, брал с них чрезмерные налоги. Разбирательство составленной ими петиции поначалу вел сеймовый старшина, затем ургинский амбань, и последний вынес по ней следующее решение, получившее одобрение высоких пекинских административных инстанций: «Если в данном случае не установить надлежащих запретов, то дело мало-помалу может дойти до того, что люди во всех хошунах возьмут за правило затевать тяжбы со своими дзасаками. Посему следует наказать зачинщиков тяжбы *дзангина*²⁹ Сундэва, *хундуй*³⁰ Гончига и Галдана, оштрафовав каждого пятью головами скота. Прочих же рядовых людей, выступивших в принесении жалобы сообщниками указанных чиновников, — бить кнутом по 40 ударов каждого» [32, с. 216].

Приведенные примеры убеждают в том, что в Монголии в XVIII–XIX вв. любой представитель низших сословий, кто решил пожаловаться на хошунное или аймачное начальство, должен был осознавать, что поданный им иск вполне мог принести ему неприятности неизмеримо большие, чем ответчику. При этом неприятности ожидали отнюдь не только заведомых клеветников, но и тех, кто надеялся с помо-

²⁹ *Дзангин* (монг. *ᠵᠠᠭᠭᠢᠨ*; кит. 佐領) в цинский период — чиновник монгольского административного аппарата, начальствовавший над *сомоном* (см. примеч. 4).

³⁰ *Хундуй* или *хунд* (монг. *хүндүй*; кит. 驍騎校) в цинский период — чиновник монгольского административного аппарата, помощник *сомонного дзангина* (см. примеч. 29).

щью высших административных сфер восстановить справедливость, соответствующую монгольским традициям, или покарать беззаконие в том смысле, в каком последний термин фигурировал в нормах цинского права. Такие правдолюбцы, пусть даже их действия и были формально санкционированы имперским законодательством, на деле вряд ли могли рассчитывать на заведомо благожелательное отношение со стороны тех, к кому они пытались обратить свои сетования и мольбы.

Помимо того, бескомпромиссным искателям справедливости следовало опасаться гнева собственных хошунных и аймачных князей и чиновников. Судя по всему, последние довольно часто пытались учинить суд и расправу над досаждавшими им «доносчиками». Иначе трудно объяснить появление в составе «Уложения Лифаньюань» специальных статей о наказании хошунных правителей (в первом и втором изданиях — штрафом тремя десятками скота, в третьем издании — лишением годового жалованья) за незаконную конфискацию скота и имущества у людей, дерзнувших обратиться к вышестоящим властям за защитой от творимого на местах произвола [18, цз. 42, л. 1а–3а; 19, л. 1а–3а; 20, цз. 42, л. 1а–3а].

Сведения об опасностях, которым подвергались обитатели халхаских кочевий, пытавшиеся подать судебный иск против вышестоящих представителей кочевой знати, безусловно, подтверждают высказанные ранее соображения о том, что фискальный произвол хошунных и аймачных князей и чиновников противоречил не только цинским законам, но и традиционному монгольскому правосознанию. Вряд ли мелкие тайджи, чиновники и араты-простолюдины, рискнувшие выступить против собственного начальства, руководствовались иными побуждениями, кроме крайнего недовольства и раздражения непонятными им притязаниями местных властей на их имущество.

Поскольку описанные выше обстоятельства опровергают предположение о том, что «лихоимство» кочевой аристократии было порождено монгольскими традициями, постольку правомерен вопрос о том, откуда же еще, если не из глубин доцинской истории Монголии, возникло исследуемое нами явление. Надо заметить, что выбор вариантов ответа на поставленный вопрос в принципе невелик. Единственная из возможных версий в данном случае состоит в том, что массовая склонность халхаских князей и чиновников к небрежению нормами цинского налогового законодательства была порождена трансформациями социальной и правовой системы, произошедшими в Монголии в XVIII — первой половине XIX в. под цинским влиянием. Принципы, которыми руководствовались имперские власти в расширении и укреплении этого влияния, достаточно точно сформулированы в изданных ими законах: «Государство в управлении вассальными окраинными территориями должно проявлять высшую степень гуманности и быть предельно справедливым. Следовательно, надлежит, удерживая монгольские обычаи от чрезмерного распространения, вместе с тем рационально и обдуманно внедрять среди монголов надлежащие законы и правила» [37, с. 31]. Воздействие этих «надлежащих законов и правил» на монгольское общество, скорее всего, и привело к тому, что в исследуемый нами период в его высших социальных сферах расцвело «лихоимство» в отношении подданных — явление, которое, по крайней мере по данным имеющихся на сей момент источников, было неизвестно в Монголии до того, как она стала частью Империи Цин.

Санкция имперских властей на управление аймаками и хошунами, полученная халхаской знатью, хотя и не превратила последнюю в абсолютный аналог китайского бюрократического сословия, но все же существенно изменила условия пребывания ее представителей в статусе удельных владельцев. Причем звеньями в цепи этих изменений, как справедливо заметил Н. Ди Космо, стали «рост паразитизма среди кочевой аристократии и бюрократизация ее роли в общественной жизни» [8, p. 303]. По мере совершенствования правовых и административных институтов, предназначенных для устройства Северной Монголии под властью маньчжурской династии, карьера халхаских князей чем далее, тем менее зависела от явленных ими полководческих талантов, дипломатических дарований и лидерских качеств и все более определялась способностями к тому, чтобы в пекинских правительственных сферах создалось впечатление об их абсолютной преданности и лояльности императорскому трону.

Туземные аристократы, получавшие инвеституру власти из Пекина, в отличие от их предшественников в доцинский период, оказались в иных социальных и политических условиях. У халхаских владетельных князей в XVIII–XIX вв. появились прежде несвойственные их сословию возможности к тому, чтобы, не особенно беспокоясь за собственную судьбу, не обращать особого внимания на разнообразные насущные потребности и интересы подчиненных им кочевых объединений. Как писал японский историк Тояма Сигеру, дзасаки перестали исполнять роль выразителей интересов населения хошунов и отошли от руководства общественным достоянием, которое использовалось подчиненными им людьми в повседневной жизни [38, с. 203].

Сказанное убеждает в том, что на протяжении XVIII и первой половины XIX в. имперской администрации во многом удалось повернуть развитие монгольского общества в русло отмеченного выше «насаждения регулярных законов и правил». Одним из очевидных результатов такого поворота стало то, что «господские» правомочия социальных верхов по отношению к низам чем далее, тем более начали выходить за рамки, традиционно сформировавшиеся в монгольской общественной действительности. Впрочем, подобный феномен существовал не только в халхаских аймаках и хошунах и не только в период, описываемый в статье. Рост и укрепление социальной дифференциации в кочевых обществах, как правило, всегда возникали в результате их подчинения оседлым государствам, особенно в тех случаях, когда последние пытались превратить степную аристократию в опору своему влиянию среди подвластных им номадов [39, с. 194]. История Монголии в цинский период являет пример, подтверждающий действие этой общей закономерности. В XVIII и первой половине XIX в. среди аймачных и хошунных князей и чиновников проявились ранее неизвестные устремления к тому, чтобы по собственному произволу и в собственных интересах взимать с простолюдинов налоги и облагать их повинностями в объемах, значительно бóльших, чем те, которые были обусловлены исконными, доцинскими монгольскими традициями. Знакомые нам источники не позволяют дать сколько-нибудь хронологически и статистически точную оценку масштабов роста подобных явлений. Но факт их повсеместного распространения очевиден уже хотя бы потому, что на протяжении XVIII и первой половины XIX в. у цинской имперской администрации постоянно имелись многочисленные поводы для беспокойства в связи с тем, соблюдают ли местные

власти в Северной Монголии нормы фискального законодательства. Разраставшееся и процветавшее «лихоимство» князей и чиновников, порой вызывавшее явное недовольство рядовых обывателей, указывает если не на пропасть, разделившую монгольские общественные верхи и низы на классы-антагонисты, то на очевидное углубление различий между первыми и вторыми в их правовом, имущественном и административном статусе.

Образ халхаского вана, гуна или тайджи как самостоятельного правителя ай-мака и хошуна, произвольно устанавливающего налоговые правила в своем уделе, не вписывался в ту политико-правовую концепцию, которая была положена в основу адресованных монголам норм цинского законодательства. Поэтому на протяжении всего рассматриваемого нами периода, особенно начиная со второй половины XVIII в., указания на необходимость искоренения податных злоупотреблений халхаских князей постоянно присутствовали и в нормах цинских законов, и в терминах императорских указов, и на страницах официальных документов, составленных различными административными учреждениями. Маловероятно при этом, чтобы верховные власти Империи Цин были всесторонне информированы об истинных масштабах фискального произвола представителей владетельной кочевой аристократии. Выявлять и пресекать такие явления в отдаленных и труднодоступных северомонгольских кочевьях не только пекинским правительственным инстанциям, но и цинским наместникам в Монголии было весьма непросто. Тем более что чины хошунной и аймачной администрации наверняка скрывали свою противозаконную деятельность и от первых, и от вторых. Таким образом, в поле зрения имперских властей попадали всего лишь отрывочные сведения о некоторых фактах наиболее вопиющего «лихоимства» халхаских князей и чиновников.

Источники и литература

1. Qingshǐ gǎo. Lièzhuàn. Fānbù. Běijīng, 1927 (清史稿. 列传. 蕃部. 北京, 1927) [Черновая история династии Цин. Раздел «Биографические описания», часть «Вассальные и зависимые территории». Пекин: б.и., 1927].
2. *Содномдагва Ц.* Манжийн захиргаанд байсан үеийн Ар Монголын засаг захиргааны зохион байгуулалт (1691–1911). Улаанбаатар: Шинжлэх Ухааны Академийн Хэвлэх үйлдвэр, 1961. 131 х. [Административное устройство Северной Монголии в период маньчжурского господства (1691–1911). Улан-Батор: Издательство АН МНР, 1961. 131 с.].
3. *Bat-Ochir Bold.* Mongolian Nomadic Society: a Reconstruction of the 'Medieval' History of Mongolia. Richmond. Surrey: Curzon Press, 2001. 204 p.
4. urida sitgen önggeregülgösen kereg-үүд anu: urida sitgen önggeregülgösen kereg-үүд anu [Дела, решенные в прежние времена. Собрание рукописных копий монгольских официальных документов XIX в.] // Отдел рукописей и документов Института восточных рукописей РАН (Санкт-Петербург). Монгольский фонд. F-523. 264 л.
5. *Пучковский Л. С.* Монгольские, бурят-монгольские и ойратские рукописи и ксилографы Института востоковедения. Т. I. История, право. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1957. 276 с. + 7 с. вкл.
6. mongyol čayajin-u neiyte-yin tobči debter basa mongyol jirum-un bičig jiči šin-e toγtoγan jarlaγu iregsen qaγudasu aliba qauli jüiyл ene bolai [Краткий общий список монгольских законов, список «Монгольского уложения», списки законоположений, недавно утвержденных и опубликованных, различные законы. Собрание рукописных копий статей законодательства Империи Цин, предназначенных для управления Монголией и введенных в действие в XVIII — начале XIX в.]. Б. м., б. г.

// Отдел рукописей и документов Института восточных рукописей РАН (Санкт-Петербург). Монгольский фонд, F-196. 1 тит. л. + 59 л.

7. *Тургенев И. С.* Отцы и дети. М.: Эксмо, 2016. 288 с.

8. *Di Costo N.* Qing Colonial Administration in Inner Asia // *International History Review*. 1998. Vol. 20, N 2. P. 287–309.

9. *Кузьмин С. Л.* Теократическая государственность и буддийская церковь в Монголии в начале XX в. М.: Товарищество научных изданий КМК, 2016. 496 с. + 24 с. ч/б вкл., 21 с. цв. вкл.

10. *Qīndìng Dài Qīng huìdiǎn zélì* (钦定大清会典则例) [Высочайше утвержденное собрание узаконений к своду законов Великой империи Цин]. 1748. Ксилограф // Восточный отдел Научной библиотеки им. А. М. Горького СПбГУ. Фонд китайских рукописей ксилографов. Хул F-40. Цз. 140–144.

11. *Qīndìng Dài Qīng huìdiǎn* (钦定大清会典) [Высочайше утвержденный свод узаконений Великой империи Цин]. 1818. Ксилограф // Восточный отдел Научной библиотеки им. А. М. Горького СПбГУ. Фонд китайских рукописей ксилографов. Хул F-42. Цз. 49–53.

12. Восемнадцать степных законов. Памятник монгольского права XVI–XVII вв. Монгольский текст, транслитерация монгольского текста / пер. монг. текста, коммент. и исслед. А. Д. Насилова. СПб.: Петербургское востоковедение, 2002. 160 с.

13. *Ménggǔ lùlì // Ménggǔ lùlì. Huījiāng zélì // Zhōngguó biānjiāng shǐ dì zīliào cóngkān. Lǚ Yīrán Mǎ Dàzhèng zhǔbiān. Lánzhōu: Quánguó túshūguǎn wénxiàn suǒwéi zhōngxīn, 1988. Juǎn 1–12* (蒙古律例 // 蒙古律例。回疆则例 // 中国边疆史地资料丛刊。吕一燃马大正主编。兰州: 全国图书馆文献缩微中心, 1988. 卷1–12) [Монгольское уложение // Монгольское уложение. Собрание узаконений относительно Синьцзяна. Собрание материалов по истории пограничных регионов Китая / отв. ред. Лу Ижань, Ма Дачжэн. Ланьчжоу: Центр фото-, литографирования и микрофильмирования литературных памятников Национальной библиотеки КНР, 1988. Цз. 1–12].

14. *Atwood C. P.* Encyclopedia of Mongolia and Mongolian Empire. New York: Facts On File, 2004. X + 678 p.

15. *ᠶᠠᠳᠠᠶᠠᠳᠤ ᠮᠣᠩᠭᠣᠯᠤᠨ ᠲᠦ᠋ᠷᠦᠨᠢ ᠵᠠᠰᠠᠬᠤ ᠶᠠᠪᠤᠳᠠᠯᠤᠨ ᠶᠠᠮᠤᠨᠤ ᠵᠠᠯᠢ ᠵᠦᠶᠢᠯᠤᠨ ᠪᠢᠴᠢᠭ ᠨᠠᠶᠢᠷᠠᠯᠲᠤ ᠠᠯᠲᠠᠨᠣᠷᠭᠢᠯ ᠶᠠᠭᠠᠶᠤᠯᠵᠢ ᠲᠠᠶᠢᠪᠦᠷᠢᠯᠢᠶᠠᠪᠠ. һайилар: үбeг монгол-ун соёл-ун қуриу-а, 1989. Воти 1–2, 902 қ.* [Уложение Лифаньюань, или Палаты, управляющей административными делами во внешней Монголии / под ред. Н. Алтаноргила. Хайлар: Изд-во «Культура» АРВМ, 1989. Т. 1–2. 902 с.].

16. *Липовцов С. П.* Уложение Китайской палаты внешних сношений: пер. с маньчжур. СПб.: тип. Департамента народного просвещения, 1828. Т. 1. 362 с.; т. 2. 319 с.

17. *Скрябинкова Т. Д.* Ламаистская церковь и государство. Внешняя Монголия XVI — начало XX в. Новосибирск: Наука, 1988. 102 с.

18. *Jarliy-iyar toytaysan ᠶᠠᠳᠠᠶᠠᠳᠤ ᠮᠣᠩᠭᠣᠯᠤᠨ ᠲᠦ᠋ᠷᠦᠨᠢ ᠵᠠᠰᠠᠬᠤ ᠶᠠᠪᠤᠳᠠᠯᠤᠨ ᠶᠠᠮᠤᠨᠤ ᠵᠠᠯᠢ ᠵᠦᠶᠢᠯᠤᠨ ᠪᠢᠴᠢᠭ* [Высочайше утвержденное уложение Палаты, управляющей административными делами во Внешней Монголии]. 1817. Ксилограф. // Восточный отдел Научной библиотеки им. А. М. Горького СПбГУ. Фонд монгольских рукописей и ксилографов. Mong B-1. 63 цз.

19. *Jarliy-iyar toytaysan ᠶᠠᠳᠠᠶᠠᠳᠤ ᠮᠣᠩᠭᠣᠯᠤᠨ ᠲᠦ᠋ᠷᠦᠨᠢ ᠵᠠᠰᠠᠬᠤ ᠶᠠᠪᠤᠳᠠᠯᠤᠨ ᠶᠠᠮᠤᠨᠤ ᠵᠠᠯᠢ ᠵᠦᠶᠢᠯᠤᠨ ᠪᠢᠴᠢᠭ* [Высочайше утвержденное уложение Палаты, управляющей административными делами во Внешней Монголии]. 1842. Ксилограф // Восточный отдел Научной библиотеки им. А. М. Горького СПбГУ. Фонд монгольских рукописей и ксилографов. Mong C-4. 63 цз.

20. *Jarliy-iyar toytaysan ᠶᠠᠳᠠᠶᠠᠳᠤ ᠮᠣᠩᠭᠣᠯᠤᠨ ᠲᠦ᠋ᠷᠦᠨᠢ ᠵᠠᠰᠠᠬᠤ ᠶᠠᠪᠤᠳᠠᠯᠤᠨ ᠶᠠᠮᠤᠨᠤ ᠵᠠᠯᠢ ᠵᠦᠶᠢᠯᠤᠨ ᠪᠢᠴᠢᠭ* [Высочайше утвержденное уложение Палаты, управляющей административными делами во Внешней Монголии]. 1826. Ксилограф // Восточный отдел Научной библиотеки им. А. М. Горького СПбГУ. Фонд монгольских рукописей и ксилографов. Mong B-2. 63 цз.

21. Халха джирум. Памятник монгольского феодального права XVIII в. / сводный текст и перевод Ц. Жамцарано; подгот. текста к изд., ред., введ., примеч. С. Д. Дылыкова. М.: Наука, 1965. 340 с.

22. *Бичурин Н. Я.* Записки о Монголии. Самара: Агни, 2010. 401 с.

23. *Qiánlóng cháo Nèifǔ chāoběn «Lífānyuàn zélì» // Qīng dài Lífānyuàn zīliào jílù // Zhōngguó biānjiāng shǐ dì zīliào cóngkān. Lǚ Yīrán Mǎ Dàzhèng zhǔbiān. Lánzhōu: Quánguó túshūguǎn wénxiàn suǒwéi zhōngxīn, 1988. 1–168 yè* (乾隆朝内府抄本《理藩院则例》 // 清代理藩院资料辑录 // 中国边疆史地资料丛刊。吕一燃 马大正 主编。兰州: 全国图书馆文献缩微中心, 1988. 1–168页) [Свод копий императорских указов, исполненный Государственной канцелярией во времена правления под девизом Цяньлун и предназначенный для составления «Уложения Лифаньюань» // Сборник

материалов Лифаньюань, относящихся ко временам правления династии Цин. Собрание историко-географических материалов о пограничных регионах Китая / отв. ред. Лу Ижань, Ма Дачжэн. Ланьчжоу: Центр фото-, литографирования и микрофильмирования литературных памятников Национальной библиотеки КНР, 1988. 168 с.].

24. *Бруннерт И. С., Гасельстром В. В.* Современная политическая организация Китая. Пекин: тип. Успенского монастыря при Русской духовной миссии, 1910. IV + 523 с.

25. [Начало:] *sayisiyaltu irügeltü-yin yurbaduyar on-dur...* [Без заглавия. Текст начинается словами: «В 3-ем году правления под девизом Цзяцин... Собрание рукописных копий монгольских официальных документов XIX в.] // Отдел рукописей и документов Института восточных рукописей РАН (Санкт-Петербург). Монгольский фонд. F-223. 120 л.

26. *Chü Tung-tsu.* Local Government in China under the Ch'ing. Cambridge, Mass.: Cambridge University Press, 1962. I + 359 p.

27. *Dài Qīng jīnshēn quánshū* (大清摺紳全書) [Полное собрание сведений о государственных чинах великой Империи Цин], 1840. Ксилограф // Восточный отдел Научной библиотеки им. А. М. Горького СПбГУ. Фонд китайских рукописей ксилографов. Хул F-28. 4 цз.

28. *Heuschert D.* Legal Pluralism in the Qing Empire: Manchu Legislation for the Mongols // *International History Review.* 1998. Vol. 20, N 2. P. 310–324.

29. *Jarliy-iyar toytaγsan yaḡayadu mongyol qotong aiymaγ-un wang gung-üüd-ün iletgel šaštir* [Высочайше утвержденные родословные списки и биографии князей монгольских и туркестанских]. 1801. Ксилограф // Восточный отдел Научной библиотеки им. А. М. Горького СПбГУ. Фонд монгольских рукописей и ксилографов. Mong C-13. Цз. 45–90.

30. *Галдан.* Эрдэнийн эрх хэмээх түүх болой / монгол бичгээс хөрвүүлж, эхүүдийг харьцуулан тулгаж, оршил бичин, тайлбар хийсэн доктор Ж. Гэрэлбадрах, Д. Бүдсүрэн, П. Бямбахорол. Улаанбаатар: МУИС, Монгол судлалын төв, 2006. 303 х. [*Галдан.* Историческое сочинение именуемое «Драгоценные четки» / транслит., сводный текст, предисл. и коммент. Ж. Гэрэлбадраха, Д. Будусурэна, П. Бямбахорола. Улан-Батор: Монгольский государственный университет. Центр монголоведных исследований, 2006. 303 с.].

31. *Позднеев А. М.* Монгольская летопись «Эрдэнийн Эрихэ». Подлинный текст с переводом и пояснениями, заключающими в себе материалы для истории Халхи с 1636 г. по 1736 г. СПб.: тип. Императорской Академии наук, 1883. XXXVIII + 421 с.

32. *Нацагдорж Ш.* Манжийн эрхшээлд байсан үеийн Халхын хураангуй түүх. Улаанбаатар: Улсын хэвлэлийн газар, 1963. 235 х. [Краткая история Халха-Монголии в период маньчжурского господства. Улан-Батор: Госиздат, 1963. 235 с.].

33. *Насанбалжир Ц.* Манжийн үеийн албат сум ард. Улаанбаатар: Улсын хэвлэлийн газар, 1958. 17 х. [Служилые сомонные араты в маньчжурский период. Улан-Батор: Госиздат, 1958. 17 с.].

34. *Попова Л. П.* Общественная мысль Монголии в эпоху «пробуждения Азии». М.: Наука, 1987. 158 с.

35. *Нацагдорж Ш.* То-ван, түүний сургаал. Улаанбаатар: Шинжлэх Ухааны Академийн Хэвлэх үйлдвэр, 1968. 168 х. [То-ван и его «Наставления». Улан-Батор: Изд-во АН МНР, 1968. 168 с.].

36. *Яхонтова Н. С.* Анонимный сборник поучений // *Mongolica-IV:* сб. ст. / сост. И. В. Кульганек. СПб.: Петербургское востоковедение, 1998. С. 53–69.

37. *Qiánlóng cháo “Dài Qīng huìdiǎn” zhōng de Lǐfányuàn ziliào/ Qīng dài Lǐfányuàn ziliào jílù/ Zhōngguó biānjiāng shǐ dì ziliào cóngkān.* Lǚ Yīrán Mǎ Dàzhèng zhǔbiān. Lánzhōu: Quánguó túshūguǎn wénxiàn suǒwéi zhōngxīn, 1988. 1–3 ye (乾隆朝“大清会典”中的理藩院资料/ 清代理藩院资料辑录/ 中国边疆史地资料丛刊. 吕一燃 马大正 主编. 兰州: 全国图书馆文献缩微中心, 1988. 1–33 页) [Материалы по ведомству Лифаньюань в кодексе законов «Дай Цин хуэйдянь» в период правления императора Цяньлуна // Сборник материалов Лифаньюань, относящихся ко временам правления династии Цин. Собрание историко-географических материалов о пограничных регионах Китая / отв. ред. Лу Ижань, Ма Дачжэн. Ланьчжоу: Центр фото-, литографирования и микрофильмирования литературных памятников Национальной библиотеки КНР, 1988. 33 с.].

38. (Rì) *Tián Shānmào* (Toyama Shigeru) zhe. *Qīng dài Ménggǔ shèhuì zhìdù.* Pān Shìxiàn yì. Běijīng: Shāngwù yìnshūguǎn, 1987. 312 yè (日) 田山茂 著. 清代蒙古社会制度. 潘世宪译. 北京: 商务印书馆, 1987. 312页) [*Тояма Сигеру.* Общественный строй Монголии в цинский период / пер. с яп. Пань Шисянь. Пекин: Шан’у иньшутуань, 1987. 312 с.].

39. Хазанов А. М. Кочевники и внешний мир. 4-е изд., доп. СПб.: филол. ф-т СПбГУ, 2008. 512 с. (Серия «Nomadica»).

Статья поступила в редакцию 14 июля 2018 г.;
рекомендована в печать 17 сентября 2018 г.

Контактная информация:

Попов Антон Владимирович — канд. ист. наук, доц.; a.v.popov@spbu.ru

North Mongolian princes and Qing taxes (XVIII — first half XIX cent.)

A. V. Popov

Saint Petersburg State University,
7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

For citation: Popov A. V. North Mongolian princes and Qing taxes (XVIII — first half XIX cent.). *Vestnik of Saint Petersburg University. Asian and African Studies*, 2018, vol. 10, issue 4, pp. 436–466. <https://doi.org/10.21638/spbu13.2018.403> (In Russian)

The legislation of the Qing Empire, designed to govern Mongolia, contained a number of tax laws. Among those, of special importance were the regulations, which princes-rulers of banners (khoshuns) were obliged to be guided by when imposing taxes and duties upon the subordinated population. With the help of these regulations, the Imperial authorities sought to determine what proportion of the total fiscal revenues collected from the inhabitants of the Mongolian steppes could be used by native aristocrats as remuneration for the performance of their administrative service duties, and which could not, because it was an Imperial domain. The purpose of the current paper is to investigate the content and to monitor the practical application of the mentioned legislative norms in Northern Mongolia in the 18th — first half of the 19th centuries. It has been found that Mongolian and Chinese sources contain numerous pieces of information about the constant tendency to neglect the norms of the Qing tax legislation, which was typical for the North Mongolian princes and officials. The reasons for this may be rooted in the transformation of the social and legal system that occurred in Mongolia in the 18th — first half of the 19th centuries due to the influence of the Qing Empire. At the same time, it is unlikely that the Supreme Qing authorities possessed many opportunities to obtain objective information about the true scale of the fiscal arbitrariness by Mongolian princes and to suppress their massive violations of tax legislation.

Keywords: Qing Empire, Northern Mongolia, the law, the rules of imposition of taxes and duties, the rulers of banners (khoshuns) and officials subordinate to them, violations of fiscal rules.

References

1. *Qīngshǐ gǎo. Lièzhuàn. Fānbù*. Běijīng, 1927 [Draft History of the Qing Dynasty. Section “Biographical Descriptions”, part “Vassal and Dependent Territories”. Beijing, 1927]. (In Chinese)
2. Sodnomdagva Ts. *Manzhijn zakhirgaand wajsan üejjn Ar Mongolyn zasag zakhirgaany zokhion wajguulalt (1691–1911)*. [The Administrative Structure of Northern Mongolia During the Period of Manchu Domination (1691–1911)]. Ulaanbaatar, Publishing house of the Academy of Sciences of the MPR, 1961. 131 p. (In Mongolian)
3. Bat-Ochir Bold. *Mongolian Nomadic Society: a Reconstruction of the ‘Medieval’ History of Mongolia*. Richmond. Surrey, Curzon Press, 2001. 204 p.

4. urida sitgen önggeregülgösen kereg-үүд ану. [Cases resolved in the old days. Collected copies of Mongolian official manuscripts dated from the XIX cent.]. *Otdel rukopisei i dokumentov Instituta vostochnykh rukopisei RAN (Sankt-Peterburg). Mongol'skii fond [Department of Manuscripts and Documents of the Institute of Oriental Manuscripts RAS (St. Petersburg). Mongolian collection]*, F-523, 264 l. (In Mongolian)
5. Puchkovskii L. S. *Mongol'skie, buriat-mongol'skie i oiratskie rukopisi i ksilografy Instituta vostoковедения. T. I. Istorია, pravo. [Mongolian, Buryat-Mongolian and Oirat Manuscripts and Xylographs of the Institute of Oriental studies. Vol. I. History and Law]*. Moscow, Leningrad, USSR Academy of Sciences Publishing House, 1957. 276 + 7 p. (In Russian)
6. mongyol čayažin-u neiyte-yin tobči debter basa mongyol žirum-un bičig žiči šin-e toytoyan žarlaju iregen qayudasu aliba qauli žüiyл ene bolai [A Brief General List of Mongolian Laws, a List of "Mongolian Statute Book", Lists of Legal Provisions Recently Approved and Published, Various Laws. Collected handwritten copies of the Qing Empire legislations articles, intended for the rule of Mongolia and adopted in the XVIII — early XIX cent.]. B. m., B. g. *Otdel rukopisei i dokumentov Instituta vostochnykh rukopisei RAN (Sankt-Peterburg). Mongol'skii fond [Department of Manuscripts and Documents of the Institute of Oriental Manuscripts RAS (St. Petersburg). Mongolian collection]*. F-196, 1 + 59 l. (In Mongolian)
7. Turgenев I. S. *Ottsi i deti [Fathers and Sons]*. Moscow, "Eksmo" Publishing House, 2016. 288 p. (In Russian)
8. Di Cosmo N. Qing Colonial Administration in Inner Asia. *International History Review*, 1998, vol. 20, no. 2, pp. 287–309.
9. Kuz'min S. L. *Teokraticheskaia gosudarstvennost' i buddiiskaia tserkov' v Mongolii v nachale XX v. [Theocratic State and Buddhist Church in Mongolia in the Early XX Century]*. Moscow, Partnership of Scientific Publications KMK, 2016. 496 + 24 + 21 p. (In Russian)
10. Qinding Dai Qing huidian zeli [Established by All Highest Command the Assembly of Legal Precedents to the Collected Statutes of the Great Qing Empire]. 1748. Xylograph. *Vostochnyi otdel Nauchnoi biblioteki im. M. Gor'kogo SPbGU. Fond kitaiskikh rukopisei i ksilografov [Oriental Department of the Scientific Library of St. Petersburg State University. Collection of Chinese manuscripts and xylographs]*. Xyl F-40, tsz. 140–144. (In Chinese)
11. Qinding Dai Qing huidian [Established by All Highest Command the Collected Statutes of the Great Qing Empire]. 1818. Xylograph. *Vostochnyi otdel Nauchnoi biblioteki im. M. Gor'kogo SPbGU. Fond kitaiskikh rukopisei i ksilografov [Oriental Department of the Scientific Library of St. Petersburg State University. Collection of Chinese manuscripts and xylographs]*. Xyl F-42, tsz. 49–53. (In Chinese)
12. *Vosemndatsat stepnykh zakonov. Pamiatnik mongol'skogo prava XVI–XVII vv. [Eighteen Steppe Laws. Monument of Mongolian Law of the XVI — XVII cent.]*. Mongolian Text, translit. of mongolian text. Transl. from Mongolian, Comments and Research by A. D. Nasilov. St. Petersburg, Peterburgskoe vostoковедение Publ., 2002. 160 p. (In Russian)
13. Ménggǔ lǜlì [The Mongolian Code]. *Ménggǔ lǜlì. Huíjiāng zélì. Zhōngguó biānjiāng shǐ dì ziliào cōngkān [The Mongolian Code of Laws The Mongolian Code of Laws. The Assembly of Laws Related to Xinjiang. Collected Materials on the History of Border Regions of China]*. Ed. Lu Yiran, Ma Dazheng. Lanzhou, Center of Photography, Lithography and Microfilming of Literary Monuments, the National Library of China, 1988, tsz. 1–12. (In Chinese)
14. Atwood C. P. *Encyclopedia of Mongolia and Mongolian Empire*. New York, Facts On File, 2004. X + 678 p.
15. *yadayadu mongyol-un törö-yi žasaqu yabudal-un yamun-u qauli žüiyл-үн bičig nayiraltu altanorgil yaryayulju tayilburilyaba [Established by All Highest Command the Statute Book of the Chamber that is Governing the Outer Mongolian Provinces]*. Vol. 1–2. Ed. N. Altanorgil. Khailar, "Culture" Publishing House of Inner Mongolia, 1989. 902 p. (In Mongolian)
16. Lipovtsov S. P. *Ulozhenie Kitaiskoi palaty vneshnikh snoshenii [Statutes of the Chinese Chamber of Foreign Relations]*. Transl. from Manchurian. St. Petersburg, Printing House of the Department of Public Education, 1828, vol. 1, 362 p.; vol. 2, 319 p. (In Russian)
17. Skrynnikova T. D. *Lamaistskaia tserkov' i gosudarstvo. Vneshnyia Mongolia. XVI — nachalo XX v. [Buddist Church and State. Outer Mongolia. XVI — beginning of the XX Century]*. Novosibirsk, Nauka, 1988. 102 p. (In Russian)

18. Jarliy-iyar toytaysan yadayatu mongyol-un törö-yi jasaqu yabudal-un yamun-u qauli jüyil-ün biçig [Established by All Highest Command the Statute Book of the Chamber that is Governing the Outer Mongolian Provinces]. 1817. Xylograph. *Vostochnyi otdel Nauchnoi biblioteki im. M. Gor'kogo SPbGU. Fond mongol'skikh rukopisei i ksilografov* [Oriental Department of the Scientific Library of St. Petersburg State University. Collection of Mongolian manuscripts and xylographs]. Mong B-1, tsz. 1–63. (In Mongolian)

19. Jarliy-iyar toytaysan yadayatu mongyol-un törö-yi jasaqu yabudal-un yamun-u qauli jüyil-ün biçig [Established by All Highest Command the Statute Book of the Chamber that is Governing the Outer Mongolian Provinces]. 1842. Xylograph. *Vostochnyi otdel Nauchnoi biblioteki im. M. Gor'kogo SPbGU. Fond mongol'skikh rukopisei i ksilografov* [Oriental Department of the Scientific Library of St. Petersburg State University. Collection of Mongolian manuscripts and xylographs]. Mong B-1, tsz. 1–63. (In Mongolian)

20. Jarliy-iyar toytaysan yadayatu mongyol-un törö-yi jasaqu yabudal-un yamun-u qauli jüyil-ün biçig [Established by All Highest Command the Statute Book of the Chamber that is Governing the Outer Mongolian Provinces]. 1826. Xylograph. *Vostochnyi otdel Nauchnoi biblioteki im. M. Gor'kogo SPbGU. Fond mongol'skikh rukopisei i ksilografov* [Oriental Department of the Scientific Library of St. Petersburg State University. Collection of Mongolian manuscripts and xylographs]. Mong B-1, tsz. 1–63. (In Mongolian)

21. *Khalka jirum. Pamiytnik mongol'skogo feodal'nogo prava XVIII v. Svodnyi tekst i perevod* Ts. Jamtsarano. Podgotovka teksta k izdaniui, redaktsiia, vvedenie i primetchaniia S. D. Dylykova [Khalkha Jirum. The Monument of the Mongolian Feudal Law of XVIII cent. Consolidated Text and Translation by C. Zhamtsarano; preparation of the text for publishing, edition, introduction, notes by S. D. Dylykov]. Moscow, Nauka, 1965. 340 p. (In Russian)

22. Bichurin N. Ia. *Zapiski o Mongolii* [Notes on Mongolia]. Samara, "Agni" Publishing House, 2010. 401 p. (In Russian)

23. *Qianlong cháo Nèifǔ chāoběn «Lifányuàn zèli»*. *Qing dài Lifányuàn ziliào jilù*. *Zhōngguó biānjiāng shǐ dì ziliào cóngkān* [Collected Copies of the Imperial Decrees, Executed By the State Office During the Reign of Qianlong Emperor and Intended for the Preparation of "The Statute Book of the Chamber that is Governing the Outer Mongolian Provinces". Collected Materials Regarded with Lifanyuan Related to the Qing Period. Collection of Historical and Geographical Materials on the Border Regions of China]. Eds. Lu Yiran, Ma Dazheng. Lanzhou, Center of Photography, Lithography and Microfilming of Literary Monuments, the National Library of China, 1988. 168 p. (In Chinese)

24. Brunnert I. S., Gagel'strom V. V. *Sovremennaia politicheskaia organizatsiia Kitaia* [The Modern Political Structure of China]. Beijing, Printing House of the Uspenskiy monastery at the Russian Ecclesiastical Mission in China, 1910. IV + 523 p. (In Russian)

25. The beginning: sayšiayltu irügel'tü-yin yurbaduyar on-dur... [In the Third Year of Emperor Jiaqing Regency... Collected copies of Mongolian official manuscripts dated from the XIX cent.]. *Otdel rukopisei i dokumentov Instituta vostochnykh rukopisei RAN (Sankt-Peterburg)*. *Mongol'skii fond*. [Department of Manuscripts and Documents of the Institute of Oriental Manuscripts RAS (St. Petersburg). Mongolian collection]. F-223, 120 l. (In Mongolian)

26. Chü Tung-tsu. *Local Government in China under the Ch'ing*. Cambridge, Mass., Cambridge University Press, 1962. L + 359 p.

27. *Dài Qīng jīnshēn quánshū* [Complete Collection of Notifications About the Ranks of State Officials in the Great Qing Empire]. 1748. Xylograph. *Vostochnyi otdel Nauchnoi biblioteki im. M. Gor'kogo SPbGU. Fond kitaiskikh rukopisei i ksilografov* [Oriental Department of the Scientific Library of St. Petersburg State University. Collection of Chinese manuscripts and xylographs]. Xyl F-28, 4 tsz. (In Chinese)

28. Heuschert D. Legal Pluralism in the Qing Empire: Manchu Legislation for the Mongols. *International History Review*, 1998, vol. 20, no. 2, pp. 310–324.

29. Jarliy-iyar toytaysan yadayadu mongyol qotong aymay-un wang gung-üüd-ün iletgel šaštir [Confirmed by All Highest Command Genealogical Lists and Biographies of the Princes from Mongolia and Turkestan]. 1801. Xylograph. *Vostochnyi otdel Nauchnoi biblioteki im. M. Gor'kogo SPbGU. Fond mongol'skikh rukopisei i ksilografov* [Oriental Department of the Scientific Library of St. Petersburg State University. Collection of Mongolian manuscripts and xylographs]. C-13, tsz. 45–90. (In Mongolian)

30. Galdan. *Erdenijn erikh khemeekh tüükh woloj*. Mongol wičgees khorwüülzh, ekhüüdijg khar'cuulan tulgazh, oršil wicin, tajlwar khijsen doctor Zh. Gerelwadrahk, D. Wüdüüren, P. Wjambakhrol [The Historical Chronicle Named "Erdeniin erikhe". Transliteration, Composite Text, Introduction and Commentary dr.

J. Gerelbadrakh, D. Wüdüsüren, P. Wjambakhorol]. Ulaanbaatar, Mongolian State University. Centre of Mongolian Studies, 2006. 303 p. (In Mongolian).

31. Pozdnev A. M. *Mongol'skaia letopis' «Erdeniin erikhe»*. *Podlinnyi tekst s perevodom i poiasneniiami, zakliuchaiushchimi v sebe materialy po istorii Khalkhi s 1636 po 1736 g.* [The Mongolian Chronicle — Erdeniin erikhe. Original Text with a Translation and Explanations, Encompassing Materials on the History of Khalkha from 1636 to 1736]. St. Petersburg, Printing house of the Imperial Academy of Sciences, 1883. XXXVIII + 421 p. + 1 table. (In Russian)

32. Natsagdorj Sh. *Manzhijn erkheeld wajsan ueijn Khalkhyn khuraanguj tüükh* [Brief history of Khalkh-Mongolia during the period of Manchurian rule]. Ulaanbaatar, Mongolian State Publishing House, 1963. 235 p. (In Mongolian)

33. Nasanbaljir Ts. *Manzhijn ueijn albat sum ard.* [Suman People, Who Were Obligated by State Duties in Mongolia during the Period of Manchu Domination]. Ulaanbaatar, Mongolian State Publishing House, 1958. 17 p. (In Mongolian)

34. Popova L. P. *Obshestvennaia mys' Mongolii v epokhu "probujdeniia Azii"* [Mongolian social ideology in the era of "awakening of Asia"]. Moscow, Nauka Publishing House, 1987. 158 p. (In Russian)

35. Natsagdorj Sh. *To-wang, tüüinj surgaal* [To-wang and his "Instructions"]. Ulaanbaatar, Publishing house of the Academy of Sciences of the MPR, 1968. 168 p. (In Mongolian)

36. Yakhontova N. S. *Anonimnyi sbornik poucheniy* [Anonymous collection of edifying teachings]. Mongolica-IV. Collected papers. Comp. by I. V. Kul'ganek. St. Petersburg, Peterburgskoe vostokovedenie Publ., 1998, pp. 53–69. (In Russian)

37. Qiánlóng cháo "Dài Qīng huìdiǎn" zhōng de Lǐfānyuàn zīliào. *Qīng dài Lǐfānyuàn zīliào jílù/ Zhōngguó biānjiāng shǐ dì zīliào cóngkān* [Materials Regarded with Lifanyuan in the Code of Laws "Dai Qing Huidian" During the Reign of Emperor Qianlong. Collected Materials Regarded with Li-fanyuan Related to the Qing Period. Collection of Historical and Geographical Materials on the Border Regions of China]. Eds. Lu Yiran, Ma Dazheng. Lanzhou, Center of Photography, Lithography and Microfilming of Literary Monuments, the National Library of China, 1988. 33 p. (In Chinese)

38. (Rì) Tián Shānmào (Toyama Shigeru) zhe. *Qīng dài Ménggǔ shèhuì zhìdù. Pān Shixiàn yì.* [Toyama Shigeru. Social system of Mongolia in the Qing period]. Transl. from Japanese Pan Shixian. Beijing, Shang'wu Yinshuguan, 1987. 312 p. (In Chinese)

39. Khazanov A. M. *Kochevniki i vneshniy mir* [Nomads and the Outside World]. 4th ed., revised and supplied. St. Petersburg, St. Petersburg State University faculty of philology, 2008. 512 p. («Nomadica»). (In Russian)

Received: July 14, 2018
Accepted: September 17, 2018

Author's information:

Anton V. Popov — PhD in History, Associate Professor; a.v.popov@spbu.ru